Никитский.
Очерк
внутренней
истории Пскова

2007111581

«Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Соч. А. Никитскаго. Спб. 1873.

Рецензія професора И. Е. Энгельмана.

Задача, разрѣшеніемъ которой занимается г. Никитскій въ своемъ «Очеркѣ внутренней исторіи Пскова», опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: представить читателю возможно обстоятельное изслѣдованіе главныхъ началъ, служившихъ основаніемъ историческаго развитія псковскаго быта. Такъ какъ авторъ прямо заявляетъ, что «затрудненія, еще несовсѣмъ устраненныя съ пути ко всестороннему изложенію исторіи Пскова, побуждаютъ его ограничиться однимъ представленіемъ главныхъ основаній исторіи Пскова», то всякій споръ о пользѣ болѣе широкаго плана излишенъ, и критику остается, относительно плана сочиненія, стать на точку зрѣнія автора.

Появленію этого сочиненія нельзя не порадоваться. Наука русской исторіи особенно нуждается въ монографіяхъ, занимающихся изслѣдованіемъ мѣстной жизни древней Руси. Хотя исторія Пскова была уже нерѣдко предметомъ изученія, однако изслѣдованіе автора нисколько не является излишнимъ; въ особенности потому, что онъ строго придерживается источниковъ, и тѣмъ отличается отъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей. Онъ старается вникнуть въ истинный смыслъ и значеніе источниковъ, извлечь изъ нихъ все, что они содержатъ, не успокоивается на общихъ мѣстахъ, мѣтко подмѣчаетъ особенности псковскаго быта, и старается выяснить ихъ происхожденіе и значеніе изъ особенностей обстоятельствъ и отношеній, дѣйствовавшихъ во Псковѣ. Добросовѣстное собраніе фактовъ, трезвая оцѣнка ихъ и наглядная групировка, съ цѣлью

воспроизвесть сколь можно вѣрную картину древняго псковскаго быта, отличают его изслѣдованіе. Оставаясь въ этихъ границахъ, авторъ несомнѣнно принесетъ своими изслѣдованіями значительную пользу наукѣ русской исторіи, требующей именно подробнаго и трезваго изслѣдованія источниковъ и тщательной обработки фактовъ. Однако кажется, что автору не достаетъ того, что у нѣмцевъ называется «школой», не достаетъ навыка въ примѣненіи правилъ исторической критики. Онъ пользуется ими вслѣдствіе присущаго ему таланта, но не вездѣ, не всегда и не систематически. Иной разъ, хотя и рѣдко, случается, что авторъ, считая дѣло совершенно яснымъ, не беретъ на себя труда собрать *всѣ* извѣстія до него касающіяся, заглянуть во всѣ источники и вслѣдствіе того приходитъ къ поверхностнымъ выводамъ (Примѣры такихъ выводовъ мы разберемъ ниже). Затѣмъ авторъ, иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ не удерживаетъ въ виду общій планъ изслѣдованія, общую цѣль, къ которой идетъ. Разсматривая извѣстное явленіе, извѣстную сторону дѣла, онъ плѣняется имъ, забываетъ другую, а переходя къ другой сторонѣ дѣла увлекается ею и противорѣчитъ себѣ-же, такъ что право не знаешь, какого же наконецъ мнѣнія придерживается самъ авторъ. (Эта шаткость въ сужденіяхъ встрѣчается при описаніи паденія Пскова на стр. 253 — 290. Здѣсь, впрочемъ, факты, на основаніи которыхъ можно провѣрить воззрѣніе автора, всѣ приведены и самъ онъ добросовѣстно приготовилъ необходимый для провѣрки матеріалъ).

Гавный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ не ограничилъ свое изслѣдованіе тѣмъ предметомъ и тѣми способами изысканнія, которыми умѣетъ пользоваться; у него являются поползновенія пускаться въ сравнительную исторію права и историко-философскія разсужденія и соображенія, что ему очевидно не подъ силу. Сравнительная исторія права имѣетъ несомнѣнно великое значеніе и ведетъ къ любопытнымъ выводамъ, озаряетъ исторію яркимъ свѣтомъ, но конечно лишь подъ условіемъ серіозно научнаго направленія. Точно также какъ въ сравнительномъ языкознаніи нельзя дѣлать выводы на основаніи внѣшней формы и созвучія словъ, точно также и сближать два явленія сходствомъ чисто внѣшнимъ, при внутреннемъ различіи, значитъ заниматься словопреніемъ, хотя бы и краснорѣчивымъ. Сравнительное правовѣдѣніе и сравнительная исторія права — науки весьма трудныя и требуютъ многосторонней подготовки и основательнаго изученія сравниваемыхъ правъ. Такой подготовки нельзя замѣнить

нѣсколькими, не впопадъ набранными цитатами [1]). При сравненіи учрежденій разныхъ временъ и народовъ можетъ имѣть значеніе лишь сравненіе характерныхъ учрежденій. Сходство и различіе между ними весьма важны и могутъ вести къ любопытнымъ выводамъ. Но того-же нельзя сказать о сравненіяхъ, которыя мы находимъ у автора. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) На стр. 33 читаемъ: «Княжеская власть.... оставалась республиканскою должностью, магистратурой»... На стр. 121: «Въ періодъ родоваго быта, когда князь былъ простымъ республиканскимъ магистратомъ»...

Какъ это громко: «республиканскій магистратъ!» какое стройное развитіе предполагаетъ это выраженіе: древній Римъ воскресаетъ предъ нами! Увы при родовомъ бытѣ о республиканскомъ магистратѣ и говорить нельзя. Республиканскій магистратъ предполагаетъ существованіе государства, государственнаго строя, юридическаго устройства, а именно этого-то и не было. Патріархальныя отношенія, патріархальное господство вѣча въ своей неопредѣленности, неограниченности и, такъ сказать, въ своемъ «размашествѣ» — чтобы и самому разъ употреблять громкое слово — не оставляютъ никакого мѣста республикѣ. Тѣмъ менѣе можно говорить о магистратурѣ! Употребляя римскіе термины, нельзя же ихъ просто приклеивать къ явленіямъ совершенно другаго свойства. Какъ можно говорить о магистратурѣ въ доисторическій періодъ, когда нельзя говорить о магистратурѣ во всемъ періодѣ древней русской исторіи! О магистратурѣ можно говорить, гдѣ дѣло идетъ о твердомъ, незыблемомъ правѣ. Консулъ былъ магистратъ. Его избиралъ народъ, но разъ избравшій его народъ не только не имѣлъ права, но положительно не могъ отрѣшать его отъ должности. Если его дѣйствія казались предосудительными народу или Сенату, то можно было склонить его товарища назначить диктатора, чѣмъ прекращалась власть обоихъ консуловъ. Если же второй консулъ на это не соглашался, то ни Сенатъ ни народъ не могли, ни избрать диктатора, ни отрѣшить консула, ни привлечь его къ суду — оставалось ждать окончанія года, на который консулъ былъ избранъ. Конечно Сенатъ имѣлъ одно средство освободиться отъ противника, именно объявить его hostem patriae; но этимъ средствомъ Сенатъ пользовался лишь въ крайнихъ слу-

---

[1]) Ср. напр. на стр. 1 ссылки на Милля, Бёкля и Лотце, на стр. 7 и 49 на Зибеля, на стр. 4 и 13 на Момзена, на стр. 23 и 24 на Грима.

чаяхъ. При подобныхъ твердо-установившихся отношеніяхъ можно говорить о магистратурѣ. Но примѣнять выраженіе magistratus къ родоначальнику и родовому князю, отношенія котораго къ родичамъ и членамъ племени были повидимому патріархальныя — неумѣстно. Г. Никитскій примѣняетъ выраженіе magistratus и къ посадникамъ. Достаточно вспомнить, что если таковой становился народу почему либо «нелюбимъ», то народъ распоряжался съ нимъ самъ, смотря по обстоятельствамъ или по своему настроенію.

Странно также говорить о «курульскихъ должностяхъ посадника и тысяцкаго» (стр. 38) или что «старые посадники и тысяцкіе были ничто иное, какъ русскіе консуляры, преторіи и эдилиціи» (стр. 145). Вѣдь положеніе тѣхъ и другихъ было совершенно иное и это сравненіе ничего не говоритъ, ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ. Другое дѣло уже, когда г. Никитскій сравниваетъ псковскихъ посадниковъ съ римскими консулами не вообще, но въ *томъ лишь отношеніи*, что сотоварищество двухъ консуловъ въ Римѣ и двухъ посадниковъ въ Псковѣ указываетъ въ обоихъ случаяхъ на то, что патриціи въ Римѣ и бояре во Псковѣ могли пользоваться имъ для сохраненія своихъ интересовъ (стр. 151).

2) Весьма неловкимъ должно признать привлеченіе къ сравненію Римскаго сената. Въ источникахъ упоминается, что Древлянскій родовой князь совѣщался съ старѣйшинами. Вѣроятно также, что и старѣйшины другихъ племенъ совѣщались между собою и съ своими же родовыми князьями, если таковые у нихъ были. Авторъ отсюда выводитъ заключеніе (стр. 73 и сл.), что въ доисторическое время существовалъ совѣтъ, какъ учрежденіе — и это воображаемое учрежденіе называетъ сенатомъ и тѣмъ сравниваетъ его съ извѣстнымъ римскимъ учрежденіемъ. Далѣе мы знаемъ, что бояре и въ особенности бывшіе («старые») посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ и бывшіе («старые») посадники во Псковѣ имѣли значительное вліяніе на дѣла и отсюда заключаемъ, что у нихъ, конечно, должны были быть совѣщанія, въ источникахъ находятся даже намеки на такаго рода совѣщанія. Г. Никитскій разсматриваетъ эти мѣста въ источникахъ и опредѣляетъ совершенно правильно значеніе боярства при управленіи политическими дѣлами Новгорода и Пскова. Только напрасно сравниваетъ онъ этотъ совѣтъ съ Римскимъ сенатомъ [1]). Этимъ онъ вноситъ совершенно

---

[1]) Стр. 142 и сл

опредѣленное понятіе, выработавшееся на чужой почвѣ, въ новгородскія и псковскія отношенія, и такимъ образомъ приписываетъ имъ характеръ, котораго они не имѣли. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ намъ не извѣсны данныя, которыя указывали бы на подобный характеръ. Историкъ обязанъ изображать только то, на что мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, а не освѣщать факты или явленія произвольнымъ сближеніемъ ихъ съ явленіями инаго характера и другихъ условій. Такого рода пріемы окрашиваютъ явленія въ колоритъ имъ чуждый и въ то время, какъ мы вправѣ были бы ждать отъ изслѣдователя представленія намъ извѣстныхъ учрежденій въ присущей имъ народной формѣ, фантазія наша представляетъ намъ образы чужаго міра, въ особенности когда этотъ, привлекаемый къ сравненію, міръ, вслѣдствіе совершеннѣйшей научной обработки, намъ болѣе присущъ. Людямъ же основательно знакомымъ съ дѣломъ такого рода пріемъ ничего не разъяснитъ.

3) На стр. 13 авторъ, для сравненія различныхъ способовъ землевладѣнія между собою, приводитъ примѣръ изъ римской исторіи и говоритъ: «Сообразно съ первой, земля обработывается цѣлымъ родомъ съобща, а затѣмъ уже полученный продуктъ дѣлится между принадлежащими къ роду членами, домами: такой способъ пользованія землей господствовалъ у Римлянъ». Между тѣмъ, если посмотримъ какъ выражается Момзенъ, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ, и что говорятъ источники, то видимъ, что о «господствѣ такого способа у Римлянъ» говорить нельзя, но что есть намеки, что подобный способъ пользованія землей, вѣроятно, когда то, въ самыя первыя времена Рима, существовалъ. Г. Никитскій слѣдовательно усиливаетъ выраженіе Момзена.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что г. Никитскій не всегда относится къ сравнительному методу изслѣдованія съ должнымъ вниманіемъ и необходимою осмотрительностью. Та же самая небрежность замѣтна при употребленіи иныхъ научныхъ терминовъ. Въ каждой наукѣ для изслѣдователя дѣло первой важности — съ точностію отдѣлять другъ отъ друга различныя понятія, входящія въ составъ ея, и поэтому строго держаться употребительныхъ терминовъ, не съуживая и не распространяя ихъ безъ крайней необходимости; въ противномъ случаѣ разсужденія и заключенія дѣлаются сбивчивыми. Если мы вездѣ, въ родѣ, племени, родовомъ княженіи, будемъ говорить о государствѣ, о политическихъ учрежденіяхъ, то лишаемся этихъ выраженій, какъ терминовъ, и употребляя ихъ, никогда не будемъ знать, о какого рода явленіяхъ

идетъ рѣчь, о семейныхъ, родовыхъ, патріархальныхъ, или собственно государственныхъ и политическихъ. Г. Никитскій такъ и поступаетъ. Онъ видитъ государство во всемъ и вездѣ, но не потому, чтобы не умѣлъ отличать государственнаго строя отъ родоваго и племеннаго быта, а потому что онъ желаетъ провести свою особенную теорію, свой особенный взглядъ. Онъ умѣетъ очень ясно и правильно найти различіе между родовымъ распорядкомъ и государственнымъ строемъ и въ концѣ концовъ прямо доказываетъ, что въ родовыхъ и въ племенныхъ единицахъ, называемыхъ имъ же государствами, нѣтъ рѣшительно ничего государственнаго.

Послушаемъ какъ разсуждаетъ г. Никитскій.

Стр. 12: «Основаніе роду полагается сознаніемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т. е. замѣною правилъ родственной любви политическими учрежденіями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учрежденій заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею».

Стр. 26. «Отдѣльные роды были ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельными государствами столь значительной (вѣроятно опечатка вмѣсто *незначительной*) величины, что, сравнительно съ племенемъ, народомъ, являлись какъ бы отдѣльными личностями, индивидуумами».

Стр 32: ...«внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родоваго принципа на болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего начальнаго источника семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы».

Стр. 44. «Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженья, были ни въ (?) чѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья». .....«Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполнѣ самостоятельные круги дѣйствія, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ родоваго быта»....

Стр. 45. «Если... при господствѣ родоваго быта... всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи... если, поэтому,... понятія семьи и государства... постоянно смѣшиваются... то естественно возникаетъ такой вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ, или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества?»

Непонятно, какъ можно дѣлать такую постановку вопроса!

Поставивъ вопросъ столь страннымъ образомъ авторъ даетъ и соотвѣтствующій ему отвѣтъ. Онъ говоритъ, стр. 46: что дѣйствительно существовали признаки государственности родовыхъ отношеній. «Только это органическое единство понималось не столько умственно, не столько въ опредѣленныхъ юридическихъ понятіяхъ, сколько миѳически и поэтически, въ образѣ, представляемомъ семейною жизнію. Поэтому совершенно естественно, что при такомъ бытѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя не совпадаютъ съ представленіями о семьѣ, совсѣмъ не получаютъ надлежащаго развитія».

Значитъ авторъ самъ сознаетъ, что о государственности этихъ союзовъ и говорить нельзя.

Изслѣдованія и соображенія автора о семьѣ, родѣ, и высшей родовой единицѣ, княженьи, сами по себѣ довольно дѣльны и любопытны, еслибъ только онъ не смѣшивалъ этихъ понятій съ государствомъ и не вводилъ свою теорію о фикціи (см. ниже).

Не можемъ обойти молчаніемъ страсть автора къ громкимъ или необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя. Мы уже видѣли, что онъ любитъ употреблять: республиканскій магистратъ, сенатъ, курульскія должности. Кромѣ того есть и другіе примѣры:

1) (на стр. 195). «Лице, заступившее мѣсто владыки во Псковѣ, называлось «владычень намѣстникъ». Въ *одномъ* мѣстѣ лѣтописи авторъ нашелъ выраженіе: «отъ Ивана владычника владычня» и обрадовался, отыскалъ, молъ, новый терминъ! и вотъ въ его сочиненіи является странное выраженіе «владычникъ» — слово, по производству своему, какъ-то не соотвѣтствующее тому значенію, которое ему придаетъ авторъ — слово, получившее ту форму очевидно вслѣдствіе ошибки переписчика. Писецъ, списывая лѣтопись, въ своемъ подлинникѣ читалъ: «Ивана намѣстника владычня». Написавъ слово «Ивана» переписчикъ ошибкою опустилъ второе слово и началъ писать третье «владычн»..., помня, что пишетъ второе слово онъ взглянулъ на окончаніе втораго слова въ подлин-

никѣ, и, не замѣтивъ своей ошибки, дописалъ окончаніе этого втораго слова и написалъ «ика», а за тѣмъ и третье слово «владычня». Это объясненіе намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, нежели предположеніе автора о новомъ терминѣ и о томъ, что слово «владычня» — плеоназмъ.

2) На стр. 279 мы читаемъ: «когда послѣ смерда оставались только однѣ дочери, то за выдачей субсидій послѣднимъ, все достояніе смерда переходило въ руки князя». По древне-русскому праву тотъ, кто исключилъ дочь изъ вотчины или поземельнаго участка отца, долженъ былъ выдать ей приданое — а это г. Никитскій называетъ: субсидіями! Извѣстно, что подъ этимъ словомъ понимается совершенно другое.

На той же стр. и на стр. 282 авторъ говоритъ о княжескихъ «доменахъ», по-русски говорятъ о княжескихъ *земляхъ*.

3) На стр. 21 читаемъ: «Если выражаться юридическимъ языкомъ, комбинація разныхъ званій въ одной особѣ въ періодъ родоваго быта была не абсолютною, а факультативною».

Рѣшительно нельзя понять, почему авторъ полагаетъ, что это предложеніе есть юридическое выраженіе его мысли. Употребленіе иностранныхъ словъ, затемняющихъ смыслъ какого-нибудь выраженія, еще не придаетъ ему характера юридическаго.

4) На стр. 340 авторъ говоритъ о реформаціонномъ движеніи XVI вѣка въ церковныхъ дѣлахъ Россіи, а на стр. 343 даже «о великомъ реформаціонномъ движеніи XVI столѣтія». Не слишкомъ ли громкое названіе весьма скромныхъ начинаній?

Наконецъ встрѣчается у автора небрежное употребленіе разныхъ выраженій и излишнее употребленіе иностранныхъ словъ. Зачѣмъ употреблять выраженія какъ «патрональная святыня», «тенденціи» вмѣсто *намѣреній* (на стр. 324), «регулированіе» вм. *опредѣленіе* (на стр. 328). Выраженіе «дуалистическая секта» не означаетъ того, что авторъ желаетъ выразить. Слѣдовало бы сказать: секта съ дуалистическимъ ученіемъ.

На стр. 15 и слѣд. авторъ, говоря о доисторическомъ времени, употребляетъ выраженіе собственность, говоритъ о поземельной собственности частной и родовой. Такъ какъ въ доисторическое время поземельная *собственность* не существовала и не могла существовать и даже въ историческое время поземельная собственность развилась весьма медленно — то и не слѣдовало употреблять этого термина, а слѣдовало употреблять другія выраженія: владѣніе, родовое достояніе и т. п.

На стр. 196 авторъ говоритъ, что такъ называемыя смѣшанныя дѣла, напримѣръ, бракъ и семейныя отношенія, составляли исключительную *собственность* церковнаго вѣдомства — слѣдовало бы сказать: область, или сказать, что они принадлежали къ вѣдомству.

На стр. 286 *молодые люди* — вм. молодшіе люди.

На стр. 319 читаемъ: *титулъ* его *занялъ мѣсто* «непосредственно послѣ *князя* и *посадника*».

На стр. 284 читаемъ: «Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и на разграбленіе». Спрашивается какимъ это образомъ дворъ могъ быть отданъ на потокъ? Людей отдавали на потокъ, а дворы на разграбленіе!

На стр. 23 читаемъ: «Однако съ теченіемъ времени, сообразно съ развитіемъ *антропоморфизма*, незамѣтно являлось въ жизни и раздѣленіе званій: на ряду съ княжескимъ возникало и самостоятельное жреческое». Спрашивается: антропоморфизма — чего? или какого?

На стр. 35 читаемъ: «На Руси отсутствіе... храмовъ въ честь боговъ, равно какъ и слабое развитіе антропоморфизма (?), обнаруживающагося только въ позднѣйшее время».

На стр. 34 авторъ говоритъ «что съ развитіемъ антропоморфизма явилась возможность образованія жреческаго сословія. Чѣмъ больше боги усвоивали себѣ человѣческій образъ».... Здѣсь по крайней мѣрѣ можно отгадать, что авторъ говоритъ объ антропоморфизмѣ боговъ — но все таки нельзя выражаться подобнымъ образомъ.

На стр. 315 мы читаемъ: «Подобно тому, какъ первая форма симоніи, взиманіе мзды за ставленіе, послужила поводомъ къ возникновенію ереси стригольниковъ, точно также и вторая форма, предоставленіе за деньги права священствовать вдовствующему духовенству, не осталась безъ паралельнаго стригольничеству явленія: она сопровождалась вмѣшательствомъ міранъ въ собственно церковныя дѣла». Спрашивается какая тутъ паралель? Вмѣшательство міранъ въ дѣла церкви не выразилось же въ какой либо ереси или сектѣ, а было временное, какъ объясняетъ самъ авторъ.

Изслѣдованіе, раздѣляемое авторомъ на шесть главъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ введеніе, на дѣлѣ распадается на двѣ части, неимѣющія между собою ничего общаго. Эти части суть

1) Введеніе (стр. 1 — 53). Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси.

2) Самое изслѣдованіе о внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть распадается на пять главъ.

I. Областной бытъ Великаго Новгорода, стр. 59 — 109.

II. Псковъ и его устройство, стр. 110 — 186.

III. Состояніе церкви во Псковѣ, стр. 187 — 238.

IV. Торжество московскаго порядка, стр. 239 — 311.

V. Вліяніе Москвы на дѣла церкви, стр. 312 — 344.

Въ введеніи авторъ излагаетъ свой взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси и дѣлаетъ это не только на основаніи положительныхъ данныхъ, но вдаваясь въ общія разсужденія историко-философскаго содержанія и касаясь исторіи цивилизаціи народовъ. Спрашивается, не значитъ ли это забираться слишкомъ далеко, затрогивать развитіе цивилизаціи человѣчества въ доисторическое время, когда собираешься писать всего только *очеркъ* внутренней исторіи Пскова. По крайней мѣрѣ странно, въ введеніи къ совершенно спеціальному изслѣдованію, имѣющему неотъемлемое достоинство, видѣть какъ бы желаніе автора — выказать свою всестороннюю начитанность на поприщахъ, не относящихся непосредственно къ предпринятому имъ труду.

Авторъ начинаетъ весьма остроумнымъ философскимъ изреченіемъ: «что сумма событій опредѣляется суммою знаній». Изреченіе это, конечно, заимствовано у Милля, затѣмъ приведенъ еще Лотце и тутъ же для сравненія указано на Бёкля. Въ столь важномъ обществѣ, конечно, дѣло должно идти, по крайней мѣрѣ, о цивилизаціи человѣчества. Авторъ такъ и объявляетъ, что онъ докажетъ справедливость этого изреченія въ древнѣйшемъ періодѣ цивилизаціи человѣчества. Если сумма событій опредѣляется суммою знаній, то слѣдовало бы, при изложеніи внутренней исторіи Пскова, оставить въ сторонѣ исторію цивилизаціи человѣчества, такъ какъ сумма знаній нашихъ о вліяніи послѣдней на первую, или хоть на оборотъ, равняется нулю, значитъ и сумма событій повліявшихъ изъ этихъ періодовъ другъ на друга, также должна быть нуль.

Однако авторъ придаетъ выше приведенному изреченію другое очевидно значеніе, значеніе по крайнему нашему разумѣнію неудобопонятное. Мы поэтому обратимся къ тѣмъ именно изреченіямъ упомянутыхъ авторитетовъ, на которыя ссылается самъ г. Никитскій.

J. S. Mill, System der Logik 1863. II, 564: Ich stimme mit der Meinung des H. Buckle überein, dass die intellectuellen Elemente

der Menschheit — in diesem Ausdruck die Natur ihrer Meinungen (Glauben), die Summe ihres Wissens und die Entwickelung ihrer Intelligenz inbegriffen — der vorherrschende Umstand in der Bestimmung ihres Fortschritts sind.

H. Lotze, Mikrokosmos III. 186. Welches auch die eigenthümlichen Wurzeln sein mögen, aus denen die schöpferischen Triebe der Kunst, die sittlichen Ueberzeugungen, der religöse Glaube entspringen: sie alle sind in dem Reichthum und der Sicherheit ihrer Entfaltung theils von der Ausdehnung abhängig, in welcher das Wissen die Wirklichkeit ihrem beherrschenden Einfluss unterordnet, theils von der Klarheit, mit der es über sich selbst, seine Aufgaben und seine Mittel sich verständigt hat.

Buckle, History of Civilization in England. L. 1858, стр. 205 и 6. Въ IV главѣ Бёкль говоритъ о законахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе духовныхъ (умственныхъ и нравственныхъ) силъ человѣчества, и находитъ, что главнымъ элементомъ, подвигающимъ цивилизацію впередъ, есть развитіе умственныхъ силъ, знанія. Глава заключаетъ въ себѣ стр. 153 — 206, въ концѣ на стр. 205 и 206 онъ говоритъ: the changes in every civilized people are, in their aggregate, dependent solely on three things: first, on the amount of knowledge possessed by their ablest men; secondly, on the direction which that knowledge takes, that is to say, the sort of subjects to which it refers; thirdly and above all, on the extent to which the knowledge is diffused, an the freedom with which it pervades all classes of society.

Спрашивается: есть ли какая бы то ни была возможность, выразить мысли приведенныхъ г. Никитскимъ авторитетовъ такимъ образомъ, какъ дѣлаетъ это онъ?

Таково начало! Далѣе авторъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые въ двухъ, трехъ словахъ не могутъ быть, ни рѣшаемы, ниже излагаемы ясно и понятно.

«Во взглядѣ на окружающій міръ, историческіе народы въ древнѣйшій періодъ своего развитія находились на той же ступени, на которой до сихъ поръ остаются народы неисторическіе, чуждые культурѣ, и на которой дѣти будутъ оставаться, вѣроятно, навсегда». Затѣмъ авторъ вызывается «показать связь существовавшую между знаніемъ или міросозерцаніемъ и ходомъ событій или народнымъ бытомъ въ древнѣйшій періодъ цивилизаціи человѣчества».

Посмотримъ какъ онъ за это принимается. Г. Никитскій из-

лагаетъ вкратцѣ, и въ ущербъ ясности и опредѣленности, положенія Дельбрюка и Штейнталя о возникновеніи и значеніи миѳовъ. Далѣе продолжаетъ (на стр. 4), что миѳологическое міросозерцаніе представляло удобную почву, на которой легко могли возникать и развиваться юридическія фикціи, что во всякомъ развивающемся обществѣ соціальныя потребности нѣсколько опережаютъ движеніе законодательства, что между ними всегда остается пропасть, что развитіе общества зависитъ отъ быстроты, съ которою пропасть эта закрывается. Между средствами для этой цѣли не маловажную роль играютъ юридическія фикціи. «Въ римскомъ законодательствѣ фикція носитъ судебный характеръ и обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго, т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ».... При помощи этой фикціи иноземцу дозволялось искать и отвѣчать по суду, если онъ выдавалъ себя за римскаго гражданина.

Авторъ, какъ видно, излагаетъ свой взглядъ ясно и безъ обиняковъ, не смотря на то однако фикція подобнаго значенія никогда не имѣла. Совершенно неправильно, что фикція является въ древнѣйшее время, вслѣдствіе неясности и недостаточности понятій миѳологическаго міросозерцанія. Напротивъ того, она является лишь въ такихъ правахъ и юридическихъ системахъ, которыя находятся уже на извѣстной ступени развитія и отличаются строго послѣдовательнымъ, одностороннимъ развитіемъ немногихъ основныхъ положеній, которыхъ онѣ придерживаются исключительно, узко и формально, такъ что иной разъ явная несправедливость можетъ быть устранена лишь предположеніемъ, что фактическія обстоятельства, не соотвѣтствующія буквальному смыслу закона, считаются какъ бы соотвѣтствующими ему. Именно такимъ характеромъ отличалось древнѣйшее римское право. Оно совершенно уже освободилось отъ миѳологическаго и символическаго характера и единственно обращаетъ вниманіе на ясное выраженіе воли. Родовой и общинный бытъ устранены вездѣ, во всемъ видна власть государства. Все это ясно и понятно излагается въ томъ же самомъ мѣстѣ исторіи Момзена, на которое ссылается авторъ. Тутъ же прямо сказано, что чужіе считались совершенно безправными, если не было договоровъ между Римомъ и ихъ государствомъ. Изъ любаго руководства исторіи римскаго права авторъ могъ бы узнать, на что Момзенъ только намекаетъ, что кромѣ того чужой могъ пользоваться, если былъ гостемъ римскаго гражданина, защитою сего послѣдняго, который вступался за гостя, какъ бы за своего кліента.

Здѣсь конечно была фикція, что гость равенъ кліенту. Однако кто сколько нибудь знакомъ съ римскимъ правомъ, не можетъ сказать, что фикція обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ!! Если бы авторъ не побоялся труда справиться хоть въ литературѣ, не говоря уже объ источникахъ, то настоящее значеніе фикціи могъ бы изучить у Демеліуса [1]) и у Игеринга [2]), да не только у нихъ, а въ любомъ руководствѣ исторіи римскаго права, или институтовъ, или пандектовъ, наконецъ у Момзена въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое онъ ссылается, и гдѣ нѣтъ ни одного слова, на которое авторъ могъ бы основывать свою теорію.

Въ Англіи фикція также встрѣчается именно вслѣдствіе строго односторонняго и формальнаго развитія права.

Напротивъ того въ тѣхъ правахъ, въ которыхъ, еслибы предположеніе г. Никитскаго было основательно, фикція должна была встрѣчаться всего чаще, въ германскомъ и славянскомъ, такъ какъ въ этихъ правахъ сохранилось множество всякихъ воспоминаній изъ древняго времени преобладанія родовыхъ и общинныхъ понятій — въ этихъ правахъ фикція и не встрѣчается, развѣ въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ римскаго права. Но это г. Никитскаго не останавливаетъ; задавшись разъ своею теоріею, онъ уже не знаетъ никакихъ препятствій. Родъ для него фиктивная семья — вотъ фикція и есть у Славянъ и съ нею доходитъ (на стр. 30) наконецъ до того, что объясняетъ: «родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи двойнаго родства!» На стр. 32 авторъ доходитъ даже до слѣдующаго положенія: «Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княжсньемъ*». Какъ ни станешь расширять фикцію родства, получишь все таки лишь расширенную фикцію, т. е. отвлеченное понятіе, между тѣмъ княженіе была вещь весьма положительная.

Г. Никитскій развиваетъ цѣлую теорію фикцій въ древнѣйшій періодъ. По его мнѣнію, въ немъ господствовала одна фикція и то, что мы знаемъ о юридическихъ фикціяхъ въ римскомъ и англійскомъ правахъ, лишь жалкія остатки обширной системы, обнимавшей всю жизнь древнѣйшаго человѣка. Въ томъ, что люди бра-

[1]) Die Rechtsfiction in ihrer geschichtlichen u. dogmatischen Bedeutung. Weimar 1850.

[2]) Geist des römischen Rechts. Bd. II. Leipzig 1854.

тались между собою, что въ сказаніяхъ, сагахъ и т. п. выводится единство цѣлаго племени отъ баснословныхъ лицъ, онъ видитъ фикцію! Вѣдь это вещи совершенно розныя! При фикціи что нибудь не существующее принимается за существующее, потому что односторонне развитое право ставитъ признаніе какого либо субъективнаго права въ зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, которыя иной разъ могутъ быть и несущественными, и которыя въ такомъ случаѣ, безъ ущерба справедливости, могутъ быть приняты за существующія, хотя бы они на дѣлѣ и не существовали. Такъ напр., если преторъ считалъ справедливымъ признать собственникомъ извѣстное лице, которое по jus civile не могло быть собственникомъ, то онъ въ своей формулѣ, препровождаемой судьѣ, уполномочивалъ его — буде дѣло на самомъ дѣлѣ окажется таковымъ, какимъ считаетъ его преторъ — рѣшать его такъ, какъ будто истецъ не только фактически, но и по jus civile, былъ собственникомъ.

Народы германскаго и славянскаго племенъ жили въ древнѣйшее время подъ вліяніемъ родоваго быта. Самыми тѣсными узами для нихъ были узы родственные. Когда Германецъ или Славянинъ вступалъ въ близкія отношенія съ неродственнымъ ему лицемъ, то, чтобы упрочить эти отношенія, они старались закрѣпить ихъ на столько же, на сколько были крѣпкими родственные узы. Для этого они прибѣгали къ обрядамъ, которые должны были установить эту тѣсную связь. Убѣдившись въ хорошемъ расположеніи къ себѣ своего друга, они не ограничивались фикціею дружбы и братства, но старались установить, такъ сказать, матеріальное братство, связать друга еще болѣе сильными узами, нежели было родство кровное (отсюда обычай пить кровь другъ друга и др.).

Что образованіе сказаній нельзя объяснить юридическою фикціею, это кажется не требуетъ доказательства — хотя конечно много родоначальниковъ должно признать миѳическими.

Отъ теоріи образованія сказаній авторъ переходитъ къ изображенію древнѣйшаго быта человѣчества [1]), все подъ руководствомъ своей теоріи о фикціи. Впрочемъ за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ примѣняетъ свою теорію, изслѣдованіе подвигается впередъ весьма логично и изложено ясно. Авторъ трезво оцѣниваетъ значеніе скудныхъ извѣстій о томъ времени, съ зоркимъ глазомъ осторожнаго и строгаго критика открываетъ фантазіи и увлеченія другихъ изслѣдователей, и, конечно, отвергаетъ

---

[1]) Стр. 8 и сл.

ихъ, доказывая односторонность взгляда или теоріи, породившей ихъ. Такъ напр. вполнѣ справедливо его замѣчаніе, что прежніе изслѣдователи напрасно старались провести или *чисто* родовое или *чисто* общинное начало въ древней исторіи Россіи, и что, напротивъ того, древній бытъ имѣлъ смѣшанный характеръ, что въ немъ рядомъ существовали явленія того и другаго характера. Соображенія и замѣтки автора читаются съ интересомъ. Жаль только, что слабую сторону своей собственной теоріи авторъ не замѣчаетъ; и не даетъ ему покоя эта теорія: авторъ постоянно самъ портитъ свое положеніе, стараясь всюду помѣстить какую нибудь фикцію!

Излагая основанія общаго владѣнія въ древнѣйшій періодъ человѣчества [1], авторъ замѣчаетъ относительно Россіи, что скудость русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси, что въ особенности о формѣ его нельзя сказать достовѣрно, дѣлилась ли земля на участки съ передѣломъ, или же обработывалась сообща съ раздѣломъ продуктовъ. Авторъ соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что первая форма, существующая нынче въ Великороссіи, образовалась подъ вліяніемъ фискальныхъ и полицейскихъ соображеній правительства. За существованіе въ древнѣйшее время общаго владѣнія землею подъ другою формою говоритъ, по мнѣнію автора, аналогія турецкихъ и австрійскихъ Славянъ. По нашему мнѣнію, врядъ ли въ этомъ случаѣ можно ссылаться на бытъ турецко-австрійскихъ Славянъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ древней Руси существовалъ свой особый способъ владѣнія землею. Какъ владѣнія каждаго рода опредѣлялись мѣрою занятія и пользованія землею членами рода и пространство ихъ опредѣлялось также мѣрою фактическаго владѣнія и пользованія, такъ и отношеніе отдѣльнаго лица къ землѣ было чисто фактическое, зависѣло отъ воли и дѣятельности отдѣльнаго лица. Обширныя пространства незаселенныхъ земель и непроходимыхъ лѣсовъ предоставляли каждому селиться въ волю, пользоваться тѣмъ количествомъ земли, которое онъ считалъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей. Пространство поземельныхъ владѣній опредѣлялось постепенною разработкою земель и введеніемъ ихъ въ составъ предметовъ, приносящихъ пользу. Жилище лица и рода составляло опредѣленный центръ неопредѣлен-

[1]) Стр. 14.

ной окружности, объемъ которой опредѣлялся тѣмъ «куда плугъ и топоръ и коса и соха ходили». Все это считалось достояніемъ рода. На этой землѣ отдѣльныя лица селились гдѣ хотѣли, расчищали лѣсъ подъ пашню и когда пашня стала скудѣть, то переходили на другое мѣсто; земли было вдоволь, простую хату легко устроить, матеріалъ вездѣ въ изобиліи, необъятный лѣсъ покрывалъ равнины Россіи [1]).

Довольно любопытно изслѣдованіе автора о различіи между круговою порукою, существовавшею вѣроятно уже въ древнѣйшее время, и тою, которую встрѣчаемъ въ позднѣйшее, уже историческое, время (стр. 15 и сл.). Вообще мы находимъ у автора многія основательныя замѣчанія, къ сожалѣнію слишкомъ часто прерываемыя фикціями или уже слишкомъ искуственными объясненіями. Примѣръ подобнаго объясненія находимъ на стр. 22. Авторъ говоритъ:

«Жреческій характеръ родоначальника можетъ служить объяснительною причиной разныхъ явленій позднѣйшаго времени, которыя бы безъ того остались совершенно непонятными.... представительствомъ родоначальника предъ богами.... можетъ быть объяснена та отвѣтственность, которую въ послѣдующее время возлагалъ народъ на своихъ князей и владыкъ (епископовъ) за тѣ естественныя бѣдствія, которымъ ему случалось подвергаться». Авторъ, разсуждая такимъ образомъ, приводитъ примѣры изъ XIII и XV вѣковъ. Намъ кажется, что здѣсь авторъ совершенно напрасно ссылался на событія изъ доисторическаго времени, чтобы объяснить ими происшествія XIII и XV вѣковъ. Епископовъ и князей народъ прогонялъ, если полагалъ, что они лихіе и не умѣютъ ладить съ Богомъ, и если ихъ считалъ причиною Божія гнѣва. Такой образъ дѣйствія народа, въ то время, самъ собою ясенъ и понятенъ, и объясняется изъ тогдашняго уровня образованности и тутъ незачѣмъ прибѣгать къ глубокомысленному подведенію княжеской и епископской власти подъ власть родоначальниковъ временъ доисторическихъ. Авторъ ссылается при этомъ на Грима. И что мы находимъ у Грима, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ? Приведеніе факта что, Untüchtigkeit des königs ergab sich

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія о существованіи понынѣ подобнаго способа пользованія землею въ Олонецкой губ., т. е. въ мѣстахъ куда не проникли, ни помѣщичья власть, ни крѣпостное право, на которыя не распространялись фискально полицейскія мѣры, установившія послѣднее — напечатаны въ Отечеств. Записк. 1874. Февраль въ ст. «Сельская община въ Олонецкой губерніи».

nicht bloss aus leiblichen gebrechen... auch schicksal und aberglaube kamen dabei ins spiel; kriegsunglück, hungersnoth wurden der schuld des königs angerechnet [1]. Нельзя не сожалѣть, что авторъ не воспользовался примѣромъ трезваго отношенія къ своему матеріалу, какое нашелъ у Грима.

Тѣ же самыя достоинства и тѣ же самые недостатки мы находимъ въ слѣдующихъ за тѣмъ изслѣдованіяхъ, о характерѣ родовыхъ отношеній, значеніи родоначальника, городовъ и т. п. На стр. 24 авторъ говоритъ: «Въ древнѣйшее, патріархальное время народъ и войско были явленіями почти тождественными: тогда выраженіями «войско» «полкъ» (ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, lat. vulgus) обозначали просто народъ, тогда какъ впослѣдствіи оба реченія перешли на военный классъ людей».

Замѣтка эта чрезвычайно любопытна и въ сущности авторъ правъ. Однако дѣло вовсе не такъ ясно, какъ полагаетъ авторъ. То, что ему кажется несомнѣннымъ, слѣдовало бы доказать. У Грима въ Gesch. d. d. Spr. находимъ слѣдующее: ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, agmen populus, litt. pulkas, sl. плъкъ, acies castra, poln. polk, böhm. plk., а также указаніе на πόλχος и vulgus. Здѣсь нужно замѣтить что послѣднія два слова приведены Гримомъ напрасно; они сюда вовсе не идутъ и къ сравненію съ корнемъ, о которомъ здѣсь говорится, приведены быть не могутъ: сл. πόλχος вообще весьма сомнительное, а латинское vulgus принадлежитъ къ другому корню; древнегерманскому *f* въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *p*, а никогда *v*. Оставляя эти слова въ сторонѣ, изъ приведенныхъ у Грима примѣровъ видимъ только, что слова одного и того же корня употребляются: въ древнескандинавскомъ въ смыслѣ agmen и populus, въ германскихъ языкахъ для означенія «народа», въ славянскихъ для означенія «войска». Но г. Никитскій утверждаетъ, что у одного и того же народа «народъ» и «войско» означались однимъ и тѣмъ же словомъ. Это требуетъ болѣе положительныхъ доводовъ, которые слѣдовало бы привести. Дѣйствительно въ древнескандинавскомъ языкѣ [2] fôlk употребляется прежде всего въ значеніи *войска*, затѣмъ въ значеніи *людей* и наконецъ *народа*. Въ древнегерманскомъ языкѣ [3] folh означаетъ *народъ*, но употребляется и въ смыслѣ *войска*; въ среднегерман-

[1] Rechtsalterthümer. S. 231.
[2] Egilsson, Lex. poëticum ant. linguae septentr. Kopenhagen 1860.
[3] Graff, Althochdeutscher Sprachschatz. Berlin 1834—42.

скомъ языкѣ [1]) послѣднее значеніе встрѣчается рѣже, но употребляется подобно тому, какъ и въ нынѣшнемъ германскомъ языкѣ говорится Kriegsvolk, Fussvolk. Относительно древнеславянскаго языка у Миклошича [2]) приведены три примѣра употребленія слова плъкъ въ смыслѣ народа: у Іереміи 6, 19, въ двухъ рукописяхъ пророковъ, и въ жизнеописаніи сербскаго епископа Саввы. А. Х. Востоковъ [3]) переводитъ слово «пълкъ» δῆμος, populus и приводитъ кромѣ того два мѣста, гдѣ оно употреблялось въ значеніи cohors и castra. У Даля встрѣчается указаніе на выраженія «Слово о полку Игоревѣ», «княжій полкъ» = жениховы поѣзжане и замѣтка, что въ Сибири «полкъ» употребляется въ смыслѣ ватаги.

Авторъ наконецъ (на стр. 47) переходитъ къ вопросу о паденіи родоваго быта и установленіи государственнаго начала. Тутъ неумолимо критикуется г. Чичеринъ. Если авторъ былъ бы менѣе занятъ мыслью о проведеніи своей теоріи и постарался бы глубже вникнуть въ мысль г. Чичерина, то нашелъ бы у него много полезныхъ указаній для разрѣшенія этого вопроса. На стр. 48 читаемъ: «Родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, а фиктивнымъ, государствомъ, дальнѣйшія потребности общества состояли въ созданіи усиленной монархической власти; поэтому (sic) очевидно (т. е. вовсе не очевидно, даже не понятно какъ попало сюда это «поэтому»), что дружина и на Руси не могла имѣть на распаденіе родовыхъ началъ... никакого опредѣлительнаго вліянія, также какъ она не имѣла его и въ Германіи». При этомъ авторъ ссылается на Зибеля (Entstehung des deutschen Königthums). Мимоходомъ замѣтимъ, что Зибель въ этомъ вопросѣ вовсе не сказалъ послѣдняго слова, что гораздо болѣе обширное и основательное изслѣдованіе издано Ф. Даномъ (F. Dahn, die Könige der Germen 1861—1871). Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ правильно ли воспользовался г. Никитскій изслѣдованіемъ Зибеля. Зибель дѣйствительно говоритъ, что у древнихъ Германцевъ дружина образовалась на подобіе рода, и что собственно монархическаго начала и въ ней никакого нѣтъ. Такое начало онъ видитъ въ герцогствѣ, изъ котораго, подъ исключительнымъ римскимъ вліяніемъ, развилась королевская власть. Герцогствомъ онъ называетъ княжество, получившее вполнѣ твердое военное устройство. Если бы авторъ не

---

[1]) W. Müller, Mittelhochdeutscher Wörtrb. Leipzig 1854—66.

[2]) Lex. Palaeosloven. Greco-latinum.

[3]) Словарь Церк. Слав. яз.

только ссылался на Зибеля для подкрѣпленія своей предвзятой мысли, но читалъ его, то убѣдился бы, что образованіе королевской (государственной) власти въ Германіи шло подъ совершенно другими условіями, нежели у насъ въ Россіи, что поэтому при сравненіи слѣдуетъ поступать чрезвычайно осторожно. Изъ положенія Зибеля видно, что германская Gefolgschaft рѣзко отличалась отъ княжеской дружины на Руси, такъ что изъ значенія первой никакъ нельзя дѣлать заключеніе о значеніи послѣдней. Наконецъ впрочемъ самъ авторъ сознается, что на основаніи его соображеній можно развѣ дойти до отрицательныхъ результатовъ.

Въ заключеніе своей характеристики родоваго быта авторъ считаетъ не лишнимъ (стр. 51) «оріентировать ее (sic) въ кругѣ существующихъ въ русской наукѣ представленій». Значитъ послѣднія двѣ страницы введенія писаны не для насъ, читателей, а для самой статьи.

Переходя наконецъ къ разбору самого изслѣдованія о внутренней исторіи Пскова, мы въ I главѣ, изображающей *областной бытъ Великаго Новгорода*, находимъ собственно введеніе въ трудъ автора. Но и эта глава имѣетъ опять свое введеніе: она начинается Гегелемъ и его діалектикою, которую г. Никитскій разрушаетъ въ пухъ и прахъ, послѣ чего онъ обращается противъ г. Чичерина. Изложивъ вкратцѣ взглядъ г. Чичерина на Новгородскій бытъ (стр. 56—58). г. Никитскій продолжаетъ: «Не смотря на всю полную достовѣрность, приводимые здѣсь факты въ двухъ отношеніяхъ недостаточны для доказательства выводимаго изъ нихъ слѣдствія, будто бы Новгородская земля носила простой вотчинный характеръ: 1) хотя Новгородцы дѣйствительно распоряжались въ области (своей) правомъ суда, точно также, какъ они распоряжались тамъ землями, водами и лѣсами, тѣмъ не менѣе это явленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что къ правительственной дѣятельности, суду они прилагали нормы частнаго права (это г. Чичеринъ и говоритъ), а отнюдь не о томъ, чтобы судъ былъ ихъ вотчиннымъ, а не государственнымъ правомъ». Послѣднее очевидно игра словами. «2) Можно серіозно опасаться (!), что здѣсь представлено не только совершенно односторонне, но даже прямо противоположно тому, чѣмъ въ дѣйствительности было Новгородское устройство». Прежде всего замѣтимъ, что это предложеніе довольно странно выражено: изслѣдователь-критикъ не имѣетъ права опасаться, что что-нибудь представлено не такъ какъ было, но обязанъ доказать. Этотъ образъ выраженія тѣмъ страннѣе, что г. Никитскій выше говорилъ о

«полной достовѣрности фактовъ», приводимыхъ г. Чичеринымъ. Вообще опровержение взгляда г. Чичерина довольно слабо. Полагая опровергать его, авторъ между тѣмъ говоритъ тоже самое, только менѣе ясно. Дѣйствительно «Новгородъ собственно не полагалъ никакого различія между самимъ Новгородомъ и его землей, между городомъ и государствомъ» въ томъ отношеніи, что всѣмъ распоряжалось вѣче, «городская сходка» на правахъ хозяина. Новгородъ и не думалъ признавать за областью своею, за землей, права участія въ управленіи (ср. стр. 59).

Такъ какъ изображеніе новгородскаго строя имѣетъ лишь значеніе введенія, то авторъ и не даетъ полной картины историческаго развитія новгородскаго быта, но указываетъ лишь на тѣ явленія, которыя особенно важны для этого развитія. Онъ указываетъ на то значеніе, какое имѣло понятіе старшинства на отношенія городовъ между собою; за тѣмъ разсматриваетъ тѣ средства, которыми старѣйшій городъ Новгородъ располагалъ для вліянія на областной бытъ: распредѣленіе земли по концамъ, органы княжеской власти и въ особенности «полюдье».

Не смотря на то, что собственно въ Новгородѣ на судъ смотрѣли не какъ на статью дохода, но какъ на общественную потребность, Новгородъ не примѣнялъ этого взгляда къ производству суда въ областяхъ: а смотрѣлъ на правительственную дѣятельность въ областяхъ, какъ на общественныя угодья и отдавалъ судъ и управленіе въ частныя руки, какъ и другія угодья. Ограниченіе княжеской власти въ Новгородѣ имѣло послѣдствіемъ еще не введеніе высшаго начала общественной должности, но замѣну вотчинной власти князя вотчинною властью Великаго Новгорода. Ограничивая финансовую власть князей «Великій Новгородъ не умѣлъ освободиться отъ смѣшенія нормъ частнаго права съ общественнымъ: вмѣсто собственныхъ сборщиковъ, онъ сталъ отдавать княжескіе доходы, подобно суду, «на откупъ». Не таковъ ли точно взглядъ г. Чичерина на новгородскій бытъ?

Весьма наглядно и ясно изложеніе: отношенія Новгорода къ сосѣдимъ Великимъ князьямъ по спорнымъ землямъ; значенія служилыхъ князей, вступившихъ, какъ доказываетъ авторъ, къ Новгороду въ такія же отношенія, въ какія вступали къ Великимъ князьямъ; отношенія Двинской земли къ Новгороду (стр. 62—82).

Съ 82 стр. авторъ обращается къ исторіи Пскова.

Псковъ, самый обширный и самый значительный изъ всѣхъ Новгородскихъ пригородовъ, по географическому своему положенію

явился, съ самаго начала, стражемъ русской земли на границѣ литовской и ливонской. Указывая на то вліяніе, какое должно было имѣть подобное положеніе на характеръ города и волости, даже внѣшній, авторъ замѣчаетъ, что постоянное соприкосновеніе съ чужими, то мирное то военное, должно было возбудить самодѣятельность и самостоятельность жителей. Псковичи участвовали въ вечахъ Новгородскихъ, какъ вообще жители пригородовъ могли участвовать въ вечахъ и дѣлахъ старшаго города. Но при относительно близкомъ разстояніи и при важности, которую могло имѣть то или другое рѣшеніе дѣлъ для самаго Пскова, участіе его жителей въ вечахъ и вслѣдствіе того и смутахъ новгородскихъ, было довольно дѣятельное, при чемъ не разъ Псковъ представлялъ собою вѣрное убѣжище для партій Новгородцевъ, несогласныхъ съ постановленіями веча. Самодѣятельность Пскова въ особенности возбуждалась тѣмъ, что Новгородъ часто весьма легкомысленно затѣвалъ и затягивалъ ссору и войну съ Ливонцами, которые вымещали злобу на Псковичахъ. Здѣсь впрочемъ авторъ винитъ слишкомъ односторонне Новгородцевъ. Главная вина лежала на тогдашнихъ князьяхъ, которые не были на высотѣ положенія дѣлъ и погрязли въ спорахъ и междоусобицахъ за старшинство и волости, или же просто воевали изъ любви къ искуству. Это совершенно ясно видно изъ сравненія извѣстій о любопытныхъ переговорахъ между Псковичами, Новгородцами и Новгородскимъ княземъ о войнѣ съ Ливонцами, которыя автору не безъизвѣстны, но кажется не вполнѣ или недостаточно приняты имъ въ соображеніе, и которыя всѣ вмѣстѣ взятыя рисуютъ намъ современные характеръ и положеніе дѣлъ лучше длинныхъ разсужденій, которыми впрочемъ особенно отличаются не нашъ авторъ, а другія сочиненія о той эпохѣ. Авторъ приводитъ лишь два неполныхъ мѣста изъ Новгородской лѣтописи; но въ той же I Новгородской Лѣтописи онъ нашелъ бы матеріалу побольше. Нельзя не сожалѣть, что онъ не потрудился собрать весь матеріалъ, относящійся до этихъ переговоровъ, и слишкомъ мало имѣлъ въ виду общее положеніе дѣлъ, въ соприкасающихся земляхъ. У Н. И. Костомарова [1]) мы находимъ въ главныхъ чертахъ правильное изложеніе; у С. М. Соловьева, который, какъ истый московскій историкъ, конечно винитъ Псковъ и Новгородъ въ пренебреженіи къ русскимъ интересамъ, находится живая картина княжескихъ распрей. Изъ нея видно, что Ярославъ Всеволо-

[1]) Сѣвернорусскія народоправства I, с. 341 и сл.

довичъ, тогдашній Новгородскій князь, былъ сущій интриганъ и заводчикъ распрей сперва между братьями, затѣмъ между племянниками, не пропускавшій случая нарушать порядокъ и губить свободу въ Новгородѣ, изъ мести моривший Новгородцевъ сотнями, даже пословъ ихъ. Дѣло происходило въ первой четверти XIII вѣка. Въ какомъ же положеніи были тогда дѣла?

Ярославъ мудрый какъ-то пытался укрѣпить русское господство въ Балтійскомъ краѣ, построивъ Юрьевъ и, вѣроятно, посадивъ въ семъ городѣ мужа для собиранія дани въ окрестности. У его потомковъ были дѣла по важнѣе: они должны были ратоборствовать за старшинство, за волости и изъ удовольствія къ бою. Гдѣ тутъ было вспоминать объ одинокомъ городкѣ, поставленномъ въ чужомъ краѣ для собиранія дани! Объ немъ больше и не упоминается, онъ вѣроятно не долго существовалъ, какъ русскій городокъ. На Западной Двинѣ въ Герсикѣ (Kreutzburg) и Кукенойсѣ (Kokenhusen) сидѣли князья, подчиненные Полоцкимъ. Они собирали дань въ окрестностяхъ своихъ городковъ. О распространеніи христіанства, объ утвержденіи русскаго господства, о колонизаціи, такъ широко производившейся на востокѣ, и помина не было. Прошло полтора столѣтія и дѣло не подвинулось ни на шагъ впередъ. Наконецъ явились нѣмцы, явился знаменитый основатель Ливоніи епископъ Альбертъ: онъ основалъ Ригу, учредилъ орденъ Меченосцевъ. Колонія явила свою жизнь. Въ 1205 г. князь Вячко въ Кукенойсѣ долженъ былъ заключить съ епископомъ договоръ. Въ 1206 г. Владиміръ, князь Полоцкій, безуспѣшно осаждалъ Икскуль. Въ 1207 г. Вячко долженъ былъ уступить половину своего городка епископу. Въ 1208 г. Вячко, обижаемый васаломъ епископа, дѣлаетъ безуспѣшную попытку возстанія, сожигаетъ свой городокъ и бѣжитъ въ Полоцкъ. Въ томъ же году Всеволодъ, кн. въ Герсике, долженъ признать себя васаломъ епископа. Въ это же время Псковичи старались распространять русское господство, обращеніемъ пограничныхъ туземцевъ въ христіанство. Въ 1210 г. Мстиславъ Удалой взялъ городокъ Уггаунцевъ (Дерптскихъ эстовъ), прежній Юрьевъ, крестилъ многихъ, бралъ дань и обѣщалъ прислать священниковъ, чтобы учить и укрѣплять въ вѣрѣ новокрещенцевъ; но никакихъ священниковъ прислано не было! Затѣмъ онъ пошелъ на Торму, опустошать землю Чюди. Въ томъ же году Полоцкій князь заключилъ договоръ съ Ригою. Въ 1212 г. Нѣмцы и Летты опустошаютъ страну Чюди. Съ своей стороны Новгородскій князь Мстиславъ Удалой, Давыдъ Торопецкій и Всеволодъ Псковскій съ 15000 вой-

ска опустошаютъ Ервенъ и берутъ Варболу, крѣпость Чюди, и собираютъ съ нихъ дань. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ Чюдью и вытѣснить нѣмцевъ, они съ своей стороны грабятъ ее. Владиміръ, князь Псковской, выдаетъ дочь свою за Дитриха, брата епископа Альберта. За дружбу съ нѣмцами Псковичи выгоняютъ его. Онъ ѣдетъ въ Ригу служить, его принимаютъ и ему даютъ фогтство, онъ дѣлается advocatus епископа; но его не жалуютъ за несправедливость и корыстолюбіе. Въ 1213 г. онъ на Руси, въ 1214 г. онъ опять advocatus въ Ливоніи. Между тѣмъ въ 1215 г. Новгородскимъ княземъ явился извѣстный Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, въ Торжкѣ онъ заточаетъ Новгородскихъ купцовъ и пословъ, грабитъ и моритъ ихъ. Его прогоняетъ Мстиславъ Удалой сообща съ Владиміромъ Полоцкимъ и Владиміромъ Псковскимъ, послѣдній доказавъ между тѣмъ въ Ливоніи свою неспособность судить и рядить по закону, опять полюбился Псковичамъ. Въ 1216 г. онъ является въ Оденпе и собираетъ дань, Угтаунцы ищутъ помощи противъ него, у заклятыхъ враговъ своихъ Рижанъ, противъ которыхъ русскіе князья обѣщали имъ защиту. Нѣмцы укрѣпляютъ Оденпе противъ Русскихъ и вмѣстѣ съ Леттами и Угтаунцами опустошаютъ Псковскія волости на святкахъ, когда жители веселились и пили. Въ 1217 г. Владиміръ Псковскій и посадникъ Твердиславъ съ Новгородцами осаждаютъ и берутъ Оденпе, Дитрихъ, зять Владиміра, попадается въ плѣнъ, его уводятъ Новгородцы. Альбертъ предлагаетъ миръ, Новгородцы не соглашаются. Въ 1218 г. Святославъ Новгородскій и Владиміръ Псковской опустошаютъ Ливонію до Вендена — въ отвѣтъ на что Летты опустошаютъ Псковскія волости. Мира не заключено, но войны собственно не ведется, не смотря на то, что нѣмецкая колонія въ весьма критическомъ положеніи: на нее собирается гроза. Въ 1219 г. Вольдемаръ II строитъ Ревель и является опаснѣйшимъ соперникомъ нѣмецкой колоніи. Летты жгутъ псковскія и новгородскія волости, Псковичи производятъ опустошенія въ Ливоніи. Въ 1220 г. Альбертъ напрасно ищетъ въ Новгородѣ мира, но настоящей войны не ведется. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный папою и Германскимъ императоромъ, онъ долженъ признать власть короля Датскаго. Въ 1221 г. однако нападеніе Эзельцевъ на Ревель доказываетъ Вольдемару слабость его начинаній, онъ опять признаетъ независимость Ливоніи. Всеволодъ Мстиславичъ, сдѣлавшись въ 1219 г. послѣ изгнанія Святослава Новгородскимъ княземъ, опустошаетъ Ливонію около Вендена. Въ 1222 г. Новгородцы прогоня-

ютъ его, Ливонцы опустошаютъ псковскія и новгородскія волости. Въ 1223 г. Эзельцы и вся Чюдь возстаютъ, большинство Датчанъ перебито, господство нѣмцевъ расшатано до основанія. Чюдь отправляетъ посольство къ Русскимъ, даже въ Суздаль, имъ на первый случай посылаютъ нѣсколько сотъ воиновъ въ Феллинъ и Юрьевъ. Но Альбертъ не унываетъ, его неутомимой дѣятельности удалось собрать крестоносцевъ, онъ осаждаетъ и беретъ Феллинъ и другіе городки, Чюдь прощаютъ, Русскихъ вѣшаютъ всѣхъ. Послѣ покоренія Феллина уже является огромное русское войско въ 20,000 чел.: Ярославъ Всеволодовичъ съ полками Великаго князя и Владиміръ Псковской идутъ на Ливонію. Кажется, насталъ конецъ ливонской колоніи. Дѣйствуя рѣшительно, Ярославъ могъ бы уничтожить немногочисленное войско нѣмцевъ; послѣ уничтоженія онаго, города врядъ ли могли бы держаться. Но тутъ явилось къ князю посольство Эзельцевъ. Заклятые враги Датчанъ, для нихъ дѣло первой важности уничтоженіе Ревеля. Ярославъ слѣдуетъ ихъ совѣту, оставляетъ нѣмцевъ въ покоѣ, опустошаетъ Чудьскую землю, хотя она въ возстаніи противъ нѣмцевъ, и доказываетъ свою неспособность къ правильной осадѣ города: онъ не въ состояніи взять Ревель и возвращается назадъ съ богатою добычею и съ многими плѣнными изъ Чюди. Съ нѣмцами онъ вовсе не сражался, видѣлъ ихъ въ Феллинѣ, но осады Феллина не началъ, а грабилъ и покоренную нѣмцами и независимую отъ нихъ Чюдь! Вячко онъ оставляетъ съ небольшой дружиною въ Юрьевѣ.

Какимъ то чудомъ минула страшная опасность, грозившая колоніи гибелью: нѣмцы цѣлы и невредимы, пострадали Датчане, пострадала Чюдь. Послѣдняя послѣ такого урока легко покоряется. Нѣмцы всюду возстановляютъ свою власть, нигдѣ не находятъ противодѣйствія. Соперничество съ Датчанами улаживается: общая опасность дѣлаетъ противниковъ уступчивыми. Въ сентябрѣ 1224 г. Юрьевъ взятъ приступомъ послѣ четырехнедѣльной осады: защитники всѣ перебиты — только одному даютъ лошадь, чтобы могъ увѣдомить князя, обѣщавшаго помощь. Въ 1225 г. легатъ Вильгельмъ Моденскій въ Ливоніи — все устроивается. Въ 1227 г. островъ Эзель покоренъ въ немъ основывается особая епархія. Опасность минула окончательно!

Между тѣмъ какъ время, въ которое новая нѣмецкая колонія находилась на краю гибели, со стороны русскихъ князей проведено въ необдуманныхъ опустошительныхъ походахъ, не имѣвшихъ, кромѣ опустошенія, добычи и взаимнаго раздраженія, никакихъ по-

слѣдствій — теперь, когда колонія непреклонною неутомимостью своего основателя превозмогла превратности, когда она стала силою, когда волею или неволею слѣдовало принять положеніе, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, является вдругъ тотъ же Ярославъ Всеволодовичъ, чтобы начать войну, какъ къ тому привыкли князья въ своихъ волостяхъ, войну нескончаемую, безцѣльную. Притомъ Псковичи, не безъ повода, боялись, что князь при удобномъ случаѣ обратитъ свои силы противъ нихъ. Тутъ уже совершенно понятно, что простой здравый смыслъ заставилъ Псковичей отвѣчать, какъ они это сдѣлали.

Лѣтописецъ сообщаетъ объ этихъ дѣлахъ слѣдующее любопытное изложеніе:

«Томъ же лѣтѣ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ Посадникомъ Иванкомъ и тысячьскыи Вячеславъ. и слышавше Пльсковици яко идеть къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ въспятися въ Новъгородъ, промъкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльсковѣ, яко везеть оковы хотя ковати вяцьшее мужи. и пришьдъ створи вѣче въ владычни дворѣ и рече: яко не мыслилъ есьмь до Пльсковичь груба ничего же, нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволокы и овоць, а они мя обесчьствовали; — и положи на нихъ жалобу велику [1]). Тъгда же приведе пълкы изъ Переяславля, а рекя: хочю ити на Ригу. и сташа около городища шатры... То же слышавъше Пльсковици яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородьци, а намъ ненадобѣ; нъ оже пойдутъ на насъ, тъ вы намъ помозите. и они рекоша: тако буди. и пояша у нихъ 40 мужь въ талбу. Новгородци же увѣдавъше, рекоша: князь насъ зоветъ на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ. Тъгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: поидите съ мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выдаите кто мя обадилъ къ вамъ. и рекоша Пльсковици, приславъше Грьчина: тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не

---

[1]) Значитъ, что какія то коробья были у князя, когда онъ пошелъ къ Пскову, это фактъ. Изъ прошедшаго князя Ярослава Всеволодовича мы знаемъ, что онъ любилъ употреблять оковы и привыкъ уже не выпускать людей разъ заключенныхъ. Поэтому предположеніе Псковичей относительно заключающихся въ коробьяхъ подарковъ, кажется было не безъосновательное. Это подтверждается также образомъ дѣйствія Новгородцевъ, они уже по опыту знали своего князя.

идемъ, а братьи своей не выдаемъ, а съ Рижаны семе миръ взяли; къ Колываню есте ходивъше серебро поимали, а сами поидосте въ Новъгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а инiи поведени; а вы раздравъше [1]) да прочь; или есте на насъ удумали? ть мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ исѣчите, а жены и дѣти поемлѣте собѣ, а нежели поганiи; ть вамъ ся кланяемъ. Новгородьци же князю рекоша: мы безъ своея братья, безъ Плъсковиць, не имаемъ ся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемся. Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тъгда же князь Ярославъ пълкы своя домовь посла. Пльсковици же тъгда бяху подвели Нѣмьци и Чюдь и Лотыголу и Либь и отпустиша я опять, а тѣхъ ктоималь придатъкъ у Ярослава выгнаша изъ Пльскова: поидите по князи своемъ, намъ есте не братья. Тъгдаже Ярославъ пойде съ княгынею изъ Новагорода Переяславлю».

Изложенiе это прямо и несомнѣнно доказываетъ, что рѣшительный отказъ со стороны Пскова идти на Ригу, имѣлъ гораздо болѣе обширное и важное значенiе, нежели то, какое придаетъ этому отказу г. Никитскiй въ своемъ сочиненiи. Псковичи рѣшились дѣйствовать рѣшительно и самостоятельно, потому что убѣдились, что война, какъ она до сихъ поръ велась, вредна для всѣхъ и въ особенности для нихъ; что Ярославъ Всеволодовичъ, начиная вновь войну, имѣлъ въ виду не общерусскiе и не псковскiе, а единственно свои личные интересы, что онъ въ войнѣ ищетъ «серебра» и что наконецъ походъ на Ригу врядъ ли только не предлогъ, чтобы найти случай занять Псковъ своимъ войскомъ и распорядиться тамъ по-своему; что поэтому, прежде всего, нужно стараться, чтобъ самому быть цѣлымъ и защищать собственную свободу противъ злобнаго и мстительнаго князя. Обвинить Псковичей въ пренебреженiи русскими интересами несправедливо. Псковскiе полки подъ предводительствомъ Псковскаго князя играли не маловажную роль не только въ Ливонскомъ, но и во внутреннихъ походахъ Мстислава Удалаго. Доказавъ на самомъ дѣлѣ свою готовность идти на непрiятеля, чтобы поразить его, или принудить къ заключенiю мира, Псковичи объявляютъ, что они, такъ какъ ни того ни другаго не сдѣлано, нынче уже не намѣрены больше ратоборствовать изъ-за добычи и грабежа, не намѣрены раздражать непрiя-

[1]) Т. е. раздраживши.

теля, и самому терпѣть отъ него. Наконецъ — и это вѣроятно главнымъ образомъ побудило ихъ къ столь самостоятельному и рѣшительному дѣйствію — они послали сказать князю, что имъ не безъизвѣстно, что его походъ главнымъ образомъ направленъ не на Ригу, а на нихъ, но что они готовы къ борьбѣ, прибавляя, очевидно съ цѣлью подѣйствовать на Новгородцевъ, что для нихъ лучше погибнуть разомъ, да отъ рукъ братьевъ, чѣмъ отъ поганыхъ, по крайней мѣрѣ ихъ дѣти и жены не попадутъ въ руки къ послѣднимъ.

Во всемъ этомъ дѣлѣ Псковичи выказали несомнѣнную политическую *зрѣлость*, прямо ставъ на почву положительной (реальной) политики, много политическаго *смысла*, вѣрно оцѣнивъ дѣйствія и цѣли кн. Ярослава, и рѣдкій политическій *тактъ*, умѣвъ возбудить къ себѣ сочувствіе Новгородцевъ, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ затронутъ былъ также вопросъ о господствѣ Новгорода надъ Псковомъ [1]).

Излагая дальнѣйшій ходъ событій, доведшихъ Псковъ до совершенной независимости отъ Новгорода (стр. 90—109), г. Никитскій доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ, на какое различіе до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онъ именно доказываетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало по малу получаютъ другое значеніе, и наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка, являются самостоятельными князьями. Г. Никитскій старается изобразить это измѣненіе въ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, какъ происшедшее съ особенною послѣдовательностію, такъ что этотъ переходъ является необходимымъ слѣдствіемъ опредѣленныхъ политическихъ стремленій. Въ дѣйствительности же такого *стройнаго* развитія этихъ отношеній не было. И до XIV вѣка были самостоятельные князья, хотя изрѣдка, ихъ то г. Никитскій старается всѣми средствами низвести на степень «простыхъ» Новгородскихъ намѣстниковъ, «простыхъ кормленщи-

[1]) Странно, что г. Никитскій не обратилъ вниманія на этотъ болѣе развитой политическій тактъ, существованіе котораго во Псковѣ можетъ быть объясняемо именно преобладаніемъ въ немъ боярскаго элемента, а болѣе тонкій политическій тактъ, какъ извѣстно, есть отличительная черта аристократическихъ правительствъ. Между тѣмъ г. Никитскій самъ же доказываетъ, что во Псковѣ, гораздо болѣе нежели въ Новгородѣ, преобладалъ аристократическій элементъ.

ковъ», а Псковъ на ступень «простаго» пригорода [1]). Хотя все это изслѣдованіе о положеніи князей во Псковѣ (стр. 90—105) отличается несомнѣнными достоинствами, тщательнымъ обслѣдованіемъ источниковъ и отдѣльныхъ фактовъ, хорошею группировкою провѣреннаго матеріала, однако авторъ слишкомъ усердно старается доказать, что до первой четверти XIV стол. оставалось *все* по прежнему, а послѣ того *все* измѣнилось. Одинъ способъ подкрѣпленія этого положенія состоитъ въ томъ, что г. Никитскій щедро надѣляетъ Псковскихъ князей прилагательнымъ «простой», напр.: «простой намѣстникъ, кормленщикъ». Другой въ томъ, что говоритъ (стр. 102): «если же случались независимые князья... то это были претенденты или тотчасъ послѣ своего избранія Псковичами получали признаніе со стороны Великаго Новгорода». На счетъ Довмонта онъ выражается: «Новгородцы предпочли признать его своимъ намѣстникомъ». Фактически это справедливо, но выраженіе автора указываетъ на какое то формальное признаніе, между тѣмъ какъ о таковомъ въ источникахъ не говорится. Какъ вообще, такъ и въ этихъ отношеніяхъ, бытъ Новгорода былъ чуждъ юридической и законной опредѣленности. Псковскіе князья назначались Новгородомъ, но на Новгородскомъ вечѣ участвовали Псковичи. Какъ на вечѣ дѣло иной разъ доходило до драки, но за тѣмъ успокоивались и мирились; точно также иной разъ Новгородцы ссорились съ Псковичами, а затѣмъ мирились. Въ первый разъ Псковъ имѣлъ своего собственнаго князя изъ претендентовъ на Новгородскій столъ. Новгородцы хотѣли было прогнать его, но передумали и предоставили уладить дѣло Господу Богу. И дѣло уладилось: Всеволодъ умеръ. Хотя Всеволоду слѣдовалъ Святополкъ, но Новгородцы опять мирились [2]). Чрезъ столѣтіе въ Псковъ является Довмонтъ съ значительною дружиною — онъ крестится и «посадиша его на княженіе мужи Псковичи». Довмонтъ тотчасъ отличился и доказалъ, что онъ на своемъ мѣстѣ, предпринявъ счастливый походъ на Литву, гдѣ успѣлъ выказаться богатыремъ. Когда послѣ того Новгородскій князь Ярославъ Ярославичъ явился съ низовыми

[1]) Ср. напр изложеніе автора на стр. 90. 92. 93. 98 съ Пск. I Лѣт. подъ лѣтомъ 6646. Далѣе на стр 100: «Если *не считать въ числѣ Псковскихъ князей, получившихъ признаніе* со стороны Великаго Новгорода, Святослава, такъ какъ послѣдній, *хотя дѣйствительно пользовался признаніемъ*, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду не Псковъ, а самый Новгородъ ..» Между тѣмъ въ источникахъ этого не сказано.

[2]) Псковская I Лѣтопись въ л. 6646. Новг. I и IV Лѣт. въ л. 6645.

полками «хотя ити на Довмонта, Новгородцы възбраниша ему глаголюще: «оли княже тобѣ съ нами увѣдавшеся, тоже ѣхати въ Пльсковъ?» [1]) Новгородцы видѣли, что Довмонтъ на своемъ мѣстѣ, князь какъ подобаетъ быть князю, имъ полюбился Довмонтъ; нечего тутъ оспаривать неправильность его выбора. Ярославъ, конечно, только поневолѣ уступилъ и формально сохранилъ свое право назначать намѣстника въ Новгородѣ: уѣзжая въ орду оставилъ въ Новгородѣ Андрея Воротиславича, «Пльсковичамъ дасть князя Айгуста». Г. Никитскій успокоивается на томъ, «что взаимныя отношенія двухъ намѣстниковъ во Псковѣ неизвѣстны». Кажется вѣроятнѣе всего, что кн. Айгустъ вовсе во Псковъ и не являлся, или, если явился, то вѣроятно воздержался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла. Въ Лѣтописи объ немъ не упоминается.

Повторяемъ: за исключеніемъ указанной нами натяжки въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и въ объясненіи нѣкоторыхъ фактовъ, изложеніе автора о значеніи княжеской власти и о достиженіи Псковичами независимости — прекрасно.

Какъ извѣстно, въ 1348 г. заключенъ былъ Болотовскій договоръ, въ которомъ Новгородцы признали самостоятельность Пскова: «даша жаловање городу Пскову: посадникамъ нашимъ у васъ не быти, а отъ владыцѣ судити вашему Плесковитину, а изъ Новгорода васъ не позывати: но назваша братомъ молодшимъ Новугороду Псковъ» [2]). Любопытно, что о князѣ намѣстникѣ ни словомъ не упомянуто въ договорѣ.

Переходя къ вопросу о времени составленія Псковской пошлинной грамоты, г. Никитскій утверждаетъ, что время достиженія независимости отъ Новгорода было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ начала самостоятельнаго законодательства Пскова [3]). На стр. 105 авторъ говоритъ:

«Будучи все предшествующее время *простымъ* Новгородскимъ пригородомъ, Псковъ долженъ былъ подчиняться *во всемъ* чужому порядку, слѣдовать *вездѣ* принесеннымъ *извнѣ* Новгородскимъ пошлинамъ и обычаямъ: теперь же наступало время думать и о заведеніи своей собственной пошлины. Прежде всего замѣщеніе Новгородскихъ намѣстниковъ выборными князьями настоятельно тре-

[1]) Пск. I л. 6773. — Новгородская I Лѣт. 6774.

[2]) Новгородская III Лѣт. (П. Р. Р. Л III) стр. 227.

[3]) Очевидно съ цѣлью подкрѣплять значеніе сего положенія, авторъ старался увеличивать рѣзкость перемѣны, произшедшей въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду въ началѣ XIV вѣка.

бовало опредѣленіе отношеній послѣднихъ къ самому Пскову: результатомъ этого опредѣленія было составленіе мѣстной Псковской правды».

Авторъ за тѣмъ справедливо замѣчаетъ, что время сочиненія первоначальной части Псковской пошлинной грамоты («великого князя Александрова грамота») вовсе не такъ ясно и неоспоримо опредѣлено, какъ до сихъ поръ полагали [1]). Именно онъ указываетъ на то, что Александръ Невскій былъ въ это время только мѣстнымъ Новгородскимъ княземъ, но отнюдь не великимъ; что «самый ходъ событій совсѣмъ не благопріятствовалъ дарованію Псковичамъ какой либо жалованной грамоты, предполагающей во Псковѣ и князя, и посадника, совершенно независимыми отъ Новгорода: такое пожалованіе только могло быть вызвано собственными заслугами Псковичей, но отнюдь не могло быть слѣдствіемъ оказанной имъ Новгородцами помощи, которая могла вести только къ усиленію власти Великаго Новгорода надъ Псковомъ. Такимъ образомъ, всѣ эти обстоятельства — невозможность появленія Псковской Правды въ XIII ст., несообразность дарованія ея съ событіями, при которыхъ Александру Невскому привелось быть во Псковѣ, наконецъ положительное замѣчаніе Ивана III о псковскихъ грамотахъ вообще, какъ объ актахъ, получившихъ свое начало не отъ великихъ князей, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что начало Псковской Правды нужно относить не къ XIII, а къ первой половинѣ XIV ст., ко времени Александра Михайловича Тверскаго, княжившаго во Псковѣ 1327—1330 и 1332—1337. Съ этимъ заключеніемъ вполнѣ согласуется и то, что около 1322 г. Псковичи окончательно порвали связь съ Великимъ Новгородомъ и вступили въ союзъ съ Литовскими князьями, изъ рукъ которыхъ принимали между прочимъ и Александра Тверскаго; а въ 1348 г. послѣдовало и официальное признаніе самобытности Пскова со стороны Новгорода. Въ виду этихъ обстоятельствъ было не только естественно, но и необходимо позаботиться о составленіи, въ періодъ времени отъ 1322—1348 г., особенной мѣстной Правды».

Это изложеніе во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе, но не лишено и натяжки.

Псковъ не былъ *простымъ* Новгородскимъ пригородомъ. Это

[1]) П. В. Калачовъ въ своей рецензіи на 1 изд. Пск. суд. грам. Москвитянинъ 1848 I; и я въ своемъ сочиненіи Гражданскіе законы Псковской судн. грам. Спб. 1855 — приписавшіе эту честь Александру Невскому.

былъ пригородъ, который въ свою очередь имѣлъ свои пригороды, и занималъ совершенно особое, исключительное положеніе. Это былъ пригородъ, который рано привыкъ защищаться самъ отъ непріятелей и для котораго была необходима доля самостоятельности. Порядокъ, которому онъ подчинился, былъ отчасти *свой*, ибо Псковичи участвовали въ Новгородскихъ вечахъ, такъ что порядки не приносились *извнѣ*, а установлялись при ихъ участіи. Мы видѣли, что Псковъ не *вездѣ* слѣдовалъ даже симъ порядкамъ, что часто шелъ своей дорогой, и что изрѣдка, уже въ XII и XIII вѣкахъ, вмѣсто Новгородскихъ намѣстниковъ, избиралъ своихъ князей, и что этимъ избраніемъ нисколько не порвалъ связей съ Новгородомъ — не смотря на относительную самостоятельность, на которую такъ сердились князья Ярославъ Всеволодовичъ и Ярославъ Ярославичъ, но съ которою примирялись Новгородцы. Мы видѣли, что послѣдніе не рѣдко принимали во вниманіе мнѣнія и рѣшенія Псковичей. Наконецъ мы видимъ, что даже избраніемъ Литовскихъ князей около 1322 [1]) Псковичи вовсе не порвали *окончательно всякую* связь съ Великимъ Новгородомъ: именно еще въ 1341 году они просили намѣстника и помощи отъ Новгорода, хотя въ этомъ году не получаютъ, но въ 1348 г. во всякомъ случаѣ были въ союзѣ.

Относительно соображеній г. Никитскаго, заимствованныхъ изъ содержанія Псковской пошлинной грамоты, замѣтимъ, что, если бы грамота, по своему содержанію, носила характеръ жалованной, и въ ней заключалось бы дѣйствительно «жалованье»: право избирать князя, посадника и т. п., то доводы автора были бы рѣшительны. Но эта грамота не содержитъ въ себѣ постановленій объ отношеніяхъ политическихъ. Мы находимъ въ ней опредѣленія, какія дѣла какъ рѣшать, сколько пошлинъ взимать, какія принимать доказательства, какъ рѣшать разныя спорныя дѣла, правила о подсудности дѣлъ князю и посаднику, судіямъ, владычню намѣстнику и т. д. — однимъ словомъ правила равно примѣнимыя и при независимыхъ князьяхъ и посадникахъ, и при такихъ же, назначаемыхъ отъ Новгорода. Единственное постановленіе, имѣющее политическое значеніе, правило о составленіи новыхъ законовъ, принадлежитъ безспорно не къ древнѣйшей части грамоты.

Что же касается «положительнаго замѣчанія в. к. Ивана III о

---

[1]) Неизвѣстно почему г. Никитскій полагаетъ, что Псковичи приняли Александра Михайловича Тверскаго изъ рукъ Литовскихъ великихъ князей, въ Лѣтописи никакихъ намековъ на это нѣтъ!

псковскихъ грамотахъ», то объ немъ въ Лѣтописи [1]) читаемъ слѣдующее: «въ лѣто 6982.... и князь великой челобитье Псковское и дарови принялъ, и отвѣтъ таковъ далъ: ««радъ есми отчину свою устроенѣ держати, аже ми положите прежнихъ князей великихъ грамоты пошлинныя»»... въ лѣто 6983 «и князь великой посмотря, и опять грамоты Псковскимъ посадникомъ отдалъ и самыхъ отпустилъ, а отвѣть имъ таковъ дали: ««что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу особободили, чего у васъ нынѣ проситъ»».

Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ образа выраженія лѣтописца, кажется, слѣдуетъ заключить, что великій князь лично никакого отвѣта не далъ, а что (ужъ послѣ аудіенціи) отвѣтъ имъ «дали» т. е. бояре или дьяки. Какъ бы то впрочемъ ни было, дѣло состояло въ томъ, что великій князь хотѣлъ покончить съ псковскою вольностью, *поэтому* его намѣстникъ требовалъ пошлинъ вдвое. Какія бы грамоты Псковичи ему не представляли, въ Москвѣ всегда нашли бы поводъ къ непризнанію ихъ. Псковичи ссылались на старину, въ Москвѣ же считалось дѣйствующимъ только то, что дозволилъ или пожаловалъ великій князь и при томъ письменно: о признаніи обычая или права и помина не было. Въ отвѣтѣ сказано было, что Псковичи не представили самыхъ великокняжескихъ грамотъ, т. е. не представили подлинныхъ грамотъ Александра и Константина [2]). Представили очевидно грамоту въ томъ видѣ, какъ она сохранилась до сихъ поръ. Псковскія пошлины дѣйствовали во Псковѣ не потому, что они были пожалованы в. к. Александромъ и кн. Константиномъ, но потому что такова была «старина». Княжескія грамоты имѣли для нихъ значеніе только потому, что заключали въ себѣ старину. Для Псковичей сохраненіе подлинныхъ Александровой и Константиновой грамотъ не могло имѣть никакого значенія. Для нихъ было важно сохраненіе содержанія ихъ, измѣненнаго и дополненнаго соотвѣтственно потребностямъ жизни. Въ Москвѣ же имѣла значеніе лишь подлинная великокняжеская грамота. Въ Москвѣ хотѣли отмѣнить Псковскую старину и только для формы обѣщали сохранить то, правильность чего будетъ доказана изъ великокняжескихъ грамотъ. Когда имъ представили грамоту, содержащую въ себѣ дѣйствующую старину, ухва-

[1]) Пск. I. Лѣт. стр. 250.

[2]) Но и могло значить, какъ объясняетъ г. Никитскій, что это грамоты не Московскихъ великихъ князей, а только удѣльныхъ князей.

тились за формы — и поводъ къ отмѣнѣ былъ найденъ. Такимъ образомъ замѣчаніе Ивана III ничего не доказываетъ относительно вопроса, слѣдуетъ ли приписать древнѣйшую часть Псковской пошлинной грамоты Александру Невскому или Александру Тверскому, т. е. слѣдуетъ ли отнести составленіе ея къ XIII или къ XIV стол.

Самые важные доводы въ пользу послѣдняго мнѣнія, котораго придерживается г. Никитскій, это тѣ, которые заимствованы изъ общаго хода событій въ началѣ XIV вѣка и изъ личности великаго князя Александра Михайловича Тверскаго. Читая разсказъ лѣтописца о немъ [1], останавливаешься съ удовольствіемъ на благородной личности этого князя, который, ставя выше всего свою княжескую честь, свою обязанность защищать угнетенныхъ, карать убійцъ отца и брата, угнетателей народа, въ благородномъ порывѣ патріотизма ополчился на дерзкихъ, кровожадныхъ монгольскихъ баскаковъ. Читая въ лѣтописи о привязанности и признательности къ нему Псковичей, невольно проникаешься впечатлѣніемъ, что именно таково должно было быть отношеніе Псковичей къ князю, устроителю земли. Изложеніе г. Никитскаго меня лично склонило къ убѣжденію, что упоминаемый въ Псковской пошлинной грамотѣ великій князь Александръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть Александръ Михайловичъ Тверской, а не Александръ Ярославичъ Невскій; но какое значеніе можетъ имѣть убѣжденіе отдѣльнаго изслѣдователя, когда рѣшеніе вопроса можетъ послѣдовать лишь на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ!

Въ пользу мнѣнія, по которому древнѣйшая часть грамоты приписывается Александру Невскому, говоритъ, — независимо отъ отрицательнаго довода, что по содержанію своему псковская пошлинная грамота не содержитъ въ себя ничего такого, что по духу своему противорѣчило бы характеру того времени, — что во время Александра Невскаго общественный строй Пскова, владычествомъ Нѣмцевъ въ союзѣ съ партіею Псковичей и Новгородцевъ, былъ перевернутъ и нуждался въ устроеніи снова. Наконецъ и археологическая догадка Н. В. Калачова, о которой какъ будто съ сожалѣніемъ упоминаетъ г. Никитскій, хотя и не есть рѣшительное доказательство, однако и не такъ незначительна, какою ее считаетъ авторъ [2].

---

[1]) Пск. I Лѣт. стр. 185 — 186.

[2]) Въ IV гл. авторъ еще разъ говоритъ о времени составленія псковской пошлинной грамоты, разсматривая вопросъ, какую часть грамоты слѣдуетъ приписать кн. Константину, упоминаемому въ заглавіи грамоты, и справед-

По видимому, вопросъ о времени составленія не только грамотъ великаго князя Александра и кн. Константина, но и всей псковской пошлинной грамоты, пока долженъ оставаться открытымъ и я съ своей стороны могу только указать на такое обстоятельство, которое еще болѣе затрудняетъ, а не облегчаетъ, окончательное рѣшеніе его.

О времени своего составленія, какъ извѣстно, псковская пошлинная грамота содержитъ сама указаніе: «Ся грамота выписана изъ.... по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ... на вѣчи въ лѣто ҂ѕц҃е҃». Числительные знаки имѣютъ лишь три буквы ҂ѕц҃е҃, о второмъ «е» П. В. Калачовъ объясняетъ, что оно означаетъ числительное порядочное, значитъ въ грамотѣ сказано, что она составлена въ лѣто 6905-мъ отъ с. м., или въ $139^{6}/_{7}$ г. отъ Р Хр. Съ этимъ положительнымъ и яснымъ извѣстіемъ обращались до сихъ поръ довольно безцеремонно, т. е. отвергали его достовѣрность на томъ основаніи [1], что въ томъ же самомъ заглавіи встрѣчается извѣстіе объ участіи на вечѣ священства *пяти* соборовъ, а 5-ый соборъ во Псковѣ былъ основанъ въ 1462 г. и шестой въ 1472 г., предполагая, что это противорѣчіе произошло отъ описки въ числѣ, заключали, при посредствѣ разныхъ соображеній, что грамота составлена на вечѣ 1467 г. Между тѣмъ этого вывода нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ. Противорѣчіе въ заглавіи несомнѣнное! Но произошло ли оно отъ описки? Описка самая случайная причина противорѣчій и неясностей въ рукописяхъ, поэтому, прежде чѣмъ обратиться къ ней, слѣдуетъ отыскать не было ли менѣе случайныхъ измѣненій, не было ли нарочныхъ, происшедшихъ отъ несообразительности переписчика причинъ искаженія, напр. отъ его неумѣстнаго мудрствованія. Сборникъ, съ котораго сдѣлано изданіе Псковской судной грамоты, по описанію его, очевидно списанъ съ другаго древнѣйшаго сборника, а въ него вписана грамота, можетъ быть, также не съ подлинника. Положимъ, что грамота была переписана съ подлинника во Псковѣ, во время между 1462 и 1472 годами, тогда писецъ, читая, что она выпи-

ливо доказываетъ, что мое предположеніе (ср. Гр. зак. псковск. судн. грам. стр. 6—8) о томъ, что кн. Константину слѣдуетъ приписать вторую часть грамоты, основано лишь на формальныхъ внѣшнихъ доводахъ и что изъ грамоты кн. Константина заимствованы вѣроятно лишь нѣкоторыя статьи.

[1]) Эта критика главнымъ образомъ направлена противъ П. В. Калачова и меня.

сана по благословенію священства 2 соборовъ, никакъ не рѣшался написать подобнаго, по его мнѣнію, анахронизма, такъ какъ онъ зналъ о существованіи 5 соборовъ и написалъ «всѣхъ 5 соборовъ». Годъ онъ оставилъ какъ былъ, для него было главное исправить ошибку относительно своей братьи, священниковъ [1]). Конечно, это только предположеніе, но предположеніе менѣе произвольное, чѣмъ то, котораго до сихъ поръ придерживались.

Въ главѣ II «Псковъ и его устройство» (стр. 110—186), авторъ изображаетъ возможно полную картину псковскаго общественнаго строя. Подробно и обстоятельно излагается положеніе и значеніе Псковской области и города. Характеризуется княжеская власть: отличіе отъ власти Новгородскихъ князей авторъ видитъ въ томъ, что власть Псковскаго князя была болѣе ограниченная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе опредѣленная и предѣлы ея тверже очерченные. Не было столь пагубнаго, какъ въ Новгородѣ, двоевластія: неограниченной власти князя и неограниченной власти веча. Несомнѣнно, что во Псковѣ власть веча стояла выше власти князя. При томъ Псковское вече умѣло ограничить само себя: запрещало судъ на вечѣ [2]) и отсылало рѣшеніе споровъ къ князю, къ судіямъ (Псковскимъ сотскимъ), и къ владычню намѣстнику, установляло правила подсудности и т. д. Наконецъ авторъ доказываетъ, что во Псковѣ вліяніе бояръ на ходъ политическихъ дѣлъ выражалось гораздо опредѣленнѣе и дѣйствительнѣе, нежели въ Новгородѣ. Это положительное и обстоятельное изслѣдованіе представляетъ собою весьма драгоцѣнное пріобрѣтеніе русской исторической литературы. Весьма любопытно изслѣдованіе автора о значеніи концовъ и кончанскаго управленія [3]). Здѣсь сравненіе концовъ съ аѳинскими филами представляетъ меньше риску, чѣмъ сравненія автора, о которыхъ было говорено выше.

Въ III главѣ авторъ излагаетъ состояніе церкви во Псковѣ (стр. 187—238), а въ V вліяніе Москвы на дѣла церкви (стр. 312—

---

[1]) Обращаю вниманіе дальнѣйшихъ изслѣдователей оригинала рукописи на то обстоятельство, что въ заглавіи грамоты числительное порядочное ѕ҃, въ означеніи года, написано по видимому другимъ почеркомъ, также ѕ҃ означающее «5 соборовъ». Въ другихъ частяхъ грамоты ѕ҃ такого вида встрѣчается лишь изрѣдка (на 2. 5. 8. 15 стр. снимка грамоты, въ изд. 1868 г.). Не можетъ ли это служить доказательствомъ того, что здѣсь сдѣланы позднѣйшія измѣненія въ рукописи?

[2]) Хотя и тутъ встрѣчались исключенія. Ср. стр. 135—141.

[3]) Стр. 157—178.

344). Эти двѣ главы состоятъ въ тѣсной связи между собою и V-ая есть просто продолженіе III-ей. Изслѣдованіе состоянія церкви во Псковѣ основано на подробномъ изученіи источниковъ и доказываетъ талантъ автора къ подобнаго рода изслѣдованіямъ изъ положительной исторіи и умѣніе его пользоваться источниками. Едва ли можно будетъ замѣтить что-нибудь существенное противъ изложеннаго авторомъ. Изложеніе автора тѣмъ важнѣе и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что до послѣдняго времени свѣтскіе писатели, большею частію, упускали изъ виду вліяніе церковныхъ дѣлъ на гражданскія и политическія отношенія.

Въ IV главѣ излагается «торжество московскаго порядка», т. е. паденіе «Господина Пскова» и всей псковской земли, уничтоженіе въ ней мѣстной жизни, ея строя, ея права, ея стариннаго быта. Относительно образа изслѣдованія эта глава отличается тѣми же достоинствами, какъ и II, III и V главы. Однако, читая изложеніе о происшествіяхъ и столкновеніяхъ, подготовившихъ трагическую развязку, читатель поражается странностью общихъ сужденій автора, которыя противорѣчатъ не только изложеннымъ имъ же фактамъ, но и его собственной характеристикѣ отдѣльныхъ происшествій и въ особенности поступковъ московскихъ дѣятелей.

Приведемъ два примѣра.

На стр. 265 читаемъ:

«Столкновенія съ Великимъ Новгородомъ мѣшали Ивану III сосредоточиться на Псковскихъ дѣлахъ, заставляя его *бросать безъ исполненія* свои планы и даже искать дружбы Господина Пскова. Такъ уже первый походъ великаго князя на Новгородъ *не только остановилъ развитіе финансовыхъ правъ Псковскаго князя*... но даже содѣйствовалъ установленію болѣе выгодныхъ отношеній Пскова къ своему старѣйшему брату. *Еще большую услугу оказало Псковичамъ* окончательное *паденіе Великаго Новгорода*, когда великій князь, окрыленный успѣхомъ своего перваго похода на Новгородцевъ, снова возвратился во Псковѣ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уравненіи правъ Псковскаго князя съ намѣстниками Восточной Руси».

Невольно все это принимаешь за неумѣстную иронію: какъ можно говорить, что Иванъ III *бросалъ свои планы*, что походъ на Новгородъ *остановилъ* развитіе финансовыхъ правъ, если тутъ же разсказывается, что великій князь немедленно приступилъ къ разрѣшенію этого вопроса, что его планъ «далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки» (стр. 266).

Далѣе мы читаемъ (стр. 276): «Такимъ образомъ Новгородская катастрофа *не только совсѣмъ не имѣла* для Пскова того *роковаго характера*, какой приписываетъ ей Псковскій лѣтописецъ, утверждая, что съ паденіемъ Новгорода кончилось все и для Пскова, *но даже повела къ совершенно противоположнымъ результатамъ*».

Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что паденіе Новгорода могло быть выгодно Пскову? Между тѣмъ авторъ очень хорошо знаетъ, что паденіе Новгорода неминуемо влекло за собою паденіе Пскова и что держаться могли они развѣ вмѣстѣ.

Конечно Иванъ III былъ не такъ близорукъ, чтобы награждать Псковичей за оказанную братоубійственную помощь немедленно же казнями, да рубежемъ и вывозомъ, при чемъ легко могъ вспыхнуть отчаянный бунтъ и въ Новгородѣ; это было бы неполитично. Иванъ III пока пощадилъ Псковъ, чтобы заручиться Псковичами, да успокоить оставшихся Новгородцевъ, а главнымъ образомъ, потому что достигъ важнѣйшаго. Автору, кажется, хотѣлось выставить московскую политику благовидною и поэтому онъ намекаетъ на узкій будто бы взглядъ лѣтописца. Что лѣтописецъ на дѣлѣ правъ, это автору не безъизвѣстно, потому что онъ тутъ же прибавляетъ: «Правда, самобытность, которою пользовался Псковъ по паденіи Новгорода, была не столько дѣйствительною, сколько *призрачною*; независимость, сохраненная имъ, носила собственно одинъ формальный характеръ; вече и посадники *существовали больше по имени*, не имѣя на ходъ Псковскихъ дѣлъ *никакого* опредѣлительнаго *вліянія;* однако не должно опускать изъ виду и того, что всѣ эти явленія отнюдь не были слѣдствіемъ паденія Новгорода, а получили свое начало гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе Новгородская катастрофа не осталась безъ послѣдствій и для Пскова».

Нельзя не удивляться постоянному колебанію автора; то онъ выставляетъ одно, то другое мнѣніе. На стр. 278 читаемъ: «Но отстранивъ на время отъ Пскова окончательную развязку, Новгородская катастрофа не могла остановить естественнаго хода исторіи» — естественнаго впрочемъ тутъ ничего не было! — «а потому новый періодъ существованія, въ который Псковъ вступилъ послѣ паденія Великаго Новгорода, представлялъ нечто иное, какъ *постепенное уничтоженіе и самой формальной независимости*».

Другой примѣръ.

Излагая общій ходъ событій и мѣръ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе самобытности и всего юридическаго и

экономическаго строя Псковской жизни, авторъ говоритъ (стр. 253 и 254):

«Однако паралельно съ этимъ стремленіемъ [Псковскихъ князей къ расширенію своей судебной власти, не внушавшимъ Псковичамъ никакихъ серіозныхъ опасеній, уже рано открывается другое движеніе, которое, исходя отъ самихъ великихъ князей Московскихъ, грозило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ниспроверженіемъ всего Псковскаго устройства и потому встрѣтило со стороны Псковичей самое живое противодѣйствіе. Но къ величайшему удивленію, это движеніе противъ вечеваго порядка *отнюдь не являлось врагомъ историческаго права*: какъ представитель вечевыхъ вольностей, Господинъ Псковъ, такъ равно и поборники единства всей Русской земли, великіе князья Московскіе, *одинаково стояли* въ этой борьбѣ *на почвѣ пошлины или старины*. Конечно нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что подъ защиту послѣдней прибѣгали Псковичи, желая сохранить за собою прежнюю самобытность; но во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія, что подъ тоже самое знамя старины становились и великіе князья Московскіе, и что они не только умѣли соединить *безусловное признаніе старины* со всѣми стремленіями къ водворенію новаго порядка, но даже находили въ старинѣ *самое надежное оружіе* къ уничтоженію своихъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что *признавая безусловную обязательность* старины, великіе князья не допускали ни малѣйшихъ отступленій отъ нея и со стороны Псковичей, считая себя въ противномъ случаѣ свободными въ своихъ дѣйствіяхъ... великіе князья еще строже, чѣмъ сами Псковичи, смотрѣли за всякимъ нарушеніемъ старины своими противниками, не оставляя безъ вниманія самыхъ ничтожныхъ мелочей, въ вѣрной надеждѣ, что эти мелочи легко могутъ повести къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Но одно простое наблюденіе за нарушеніемъ старины, во всякомъ случаѣ, поставило бы великихъ князей въ совершенную зависимость отъ образа дѣйствій ихъ противниковъ и обрекло бы на слишкомъ пассивную роль, если бы они, въ случаѣ надобности, не умѣли *создавать нарушенія старины искуственно* и не прибѣгали бы къ разнаго рода *козням*ъ и *ухищреніямъ*, чтобы только *добиться* отъ противниковъ *хоть бы невольнаго отступленія отъ старины*. Московская политика... отличалась большою сдержанностью и крайнею искуственностью вслѣдствіе стремленія сохранить за собою внѣшнюю справедливость при помощи вынужденнаго отступленія отъ старины со стороны представителей вечеваго порядка».

На стр. 260 мы читаемъ: «Василій Васильевичъ *ни мало не справляясь съ стариной*, спѣшилъ присвоить себѣ право назначать Псковскихъ князей по своему усмотрѣнію, чтобы сдѣлать ихъ послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли».

На стр. 271 читаемъ:.... тѣмъ болѣе, что великій князь, полагаясь во всемъ на своихъ бояръ, *не гнушавшихся подтверждать ложь крестнымъ цѣлованіемъ*, не обращалъ никакого вниманія на доходившія до него временами жалобы Псковичей».

На стр. 283 читаемъ: «Такъ какъ однако въ Москвѣ и теперь еще остерегались явнаго нарушенія старины, то для обхода этого подводнаго камня, Псковской намѣстникъ и въ дѣлѣ со смердами долженъ былъ *прибѣгнуть къ самому грубому подлогу*, къ замѣнѣ грамоты, опредѣлявшей положеніе смердовъ, новою, составленною въ благопріятномъ для послѣднихъ духѣ. Подобный поступокъ, конечно, необходимо требовалъ согласія важнѣйшихъ Псковскихъ властей; но добиться этого согласія было ни сколько не трудно, такъ какъ въ это время во Псковѣ было ужъ не мало вліятельныхъ людей, явно державшихъ сторону великихъ князей Московскихъ» [1]).

Спрашивается: вправѣ ли авторъ, который самъ такимъ образомъ рисуетъ и описываетъ дѣйствія Московскихъ великихъ князей и ихъ подручниковъ, утверждать, что Московскіе великіе князья, къ величайшему удивленію, *отнюдь* не являлись врагами историческаго права, *стояли на почвѣ пошлины* и старины, и успѣли соединить *безусловное* признаніе старины и *безусловную* обязательность ея со своими стремленіями? Кажется авторъ, излагая впрочемъ совершенно основательно и правдиво ходъ дѣла, въ своихъ сужденіяхъ увлекся желаніемъ похвалить Московскихъ великихъ князей, которые въ этомъ эпизодѣ русской исторіи являются въ не очень привлекательномъ видѣ.

Конечно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Московскіе великіе князья, собиратели русской земли, основатели Московскаго царства, сослужили великую службу Россіи. Но все это не снимаетъ съ историка обязанности правдиво и откровенно разсматривать образъ дѣйствія ихъ, какъ историческихъ дѣятелей, не съ тѣмъ чтобы осуждать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы потомство изъ исторіи

---

[1]) Послѣднее предложеніе выражено такимъ образомъ, какъ будто авторъ хотѣлъ намекнуть, что лица державшіяся Московской партіи были, поэтому самому, и лица готовыя на всякіе обманы и подлоги.

ясно могло видѣть, по какой дорогѣ пришлось идти народу, чтобы достигнуть существующаго порядка. Дѣло историка показать и тѣ трущобы и окольные пути, по которымъ пробирался народъ — показать почему онъ долженъ былъ пробираться по нимъ и по чьей винѣ. Историкъ не долженъ забывать, что онъ обязанъ сказать правду: всю правду и одну правду. Въ этомъ отношеніи онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель народной совѣсти, онъ обязанъ указать и на недостатки историческихъ дѣятелей и на неправду ихъ — иначе изложеніе его не будетъ исторія, а политическій памфлетъ.

У насъ давно уже вошло въ моду превозносить все то, что дѣлалось въ московскомъ періодѣ, между тѣмъ, какъ тѣ недостатки, отъ которыхъ государство страдаетъ и по сю пору, всѣ имѣютъ свое основаніе въ Московскомъ строѣ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя создали Московское государство. Въ Московскій періодъ единство и крѣпость государства основались на счетъ самостоятельности областной жизни и стойкости права. Между тѣмъ и то и другое въ зародышѣ существовало въ Новгородѣ и въ особенности во Псковѣ. Москва же уничтожила и то и другое ради собиранія земли и ея объединенія. Во Псковѣ была самостоятельная мѣстная жизнь, были хотя неясныя чувство и сознаніе права (Rechtsgefühl u. Rechtsbewustsein) въ привязанности къ старинѣ. Своеобразный строй Псковскаго быта и права не мѣшалъ Пскову, но сдѣлалъ его способнымъ служить сторожемъ русской народности на границѣ непріятельской. Не смотря на разныя колебанія, къ которымъ принуждался Псковъ для защиты самостоятельности отъ нападеній собственныхъ соотечественниковъ, не смотря на временные союзы съ Ливонцами и Литовцами, онъ оставался вѣрнымъ стражемъ русской народности и сослужилъ Россіи великую службу вѣрой и правдой. Псковъ и Новгородъ, оставаясь при своей старинѣ, могли бы внесть въ Московскую жизнь важные элементы гражданственности. Но не таковы были монгольско-византійскіе подлинники, по которымъ великіе князья сплотили Московское государство, чтобы потерпѣть рядомъ съ ними развитіе, хотя бы въ нѣкоторомъ отношеніи самостоятельнаго права, самостоятельной мѣстной жизни. Въ Московскомъ строѣ никакого мѣста для самостоятельнаго права не было, а были указы; подъ властью великаго князя безотвѣтственно распоряжались бояре и дьяки — чиновничество въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Изъ Псковско-Новгородскаго строя не сохранилось ни одного

камня, который былъ бы употребленъ при возведеніи зданія Московскаго государства! Это фактъ! Но было ли это необходимо? — это другой вопросъ.

Авторъ заключаетъ IV главу характеристикой сужденій Псковскаго лѣтописца о Московскихъ порядкахъ. Его «злыя повѣсти», умножать число которыхъ ему мѣшаетъ «грубость разума и смысла», доказываютъ въ немъ мѣткое остроуміе и юморъ. Но между тѣмъ какъ, по мнѣнію г. Никитскаго, жалобы на несправедливости суда и управленія, о вредномъ вліяніи испорченныхъ Московскихъ нравовъ, имѣютъ глубокое основаніе въ разнузданности Московскихъ правителей и ихъ людей — въ то время въ нападкахъ на Грознаго, за страшныя опустошенія Ливонской войны, будто бы «выражается не болѣе, какъ мѣстная ограниченность самихъ Псковичей. Лѣтописецъ какъ-бы забываетъ, что дѣло шло объ уничтоженіи заклятаго врага его родины и закрываетъ глаза на то, что если Ливонская война и имѣла печальный исходъ, то все же привела къ низверженію ордена, и такимъ образомъ доказала, что послѣдній не имѣетъ права даже существовать самостоятельно тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ властвовать».

Прежде чѣмъ разобрать сужденіе автора, посмотримъ, что говоритъ лѣтописецъ [1]).

Въ л. 7066. «Разгнѣвася царь и великій князь Иванъ Васильевичъ на Ливонскія Нѣмцы и послалъ на нихъ рать свою... а воевали и за Раковоръ и до Ругодива... а пришедъ къ Юрьеву... изготовили приступъ и пострѣляли... и бискупъ и Нѣмцы посадники воеводамъ градъ Юрьевъ сдали, по мирному совѣту, на томъ что имъ жити по старинѣ и съ царевыми намѣстники судити судьямъ ихъ, и изъ домовъ своихъ и изъ града не извести: а воеводы дали имъ на томъ и слово свое. А потомъ и Раковоръ сдаша и иныхъ много городовъ, всѣхъ 23 города и взятыхъ и сами сдалися.

Въ лѣто 7067. «и разориша тоя зимы 7 градовъ...

Въ л. 7068.... «а всѣхъ съ Вельяномъ 5 городовъ взято того лѣта, и т. д.

Въ л. 7073. «Выведоша Нѣмець изъ Юрьева и съ женами и съ дѣтми и сведоша ихъ иныхъ въ Нижній и др. города, а не вѣдаемъ за что, Богъ вѣсть, измѣнивъ прямое слово, что воеводы дали имъ, какъ Юрьевъ отворили, что было ихъ не изводити изъ своего города, или будетъ они измѣну чинили.

---

[1]) Псковская I лѣтопись, стр. 309—319.

Въ лѣто 7078.. «пріиде царь съ великою опалою въ великій Новгородъ, и многія нарочитыя люди погуби и множество людей на правежи побіено бысть. Еще же повелѣ правити посоху подъ нарядъ и мосты мостити въ Ливонскую землю и Вифлянскую и зелейную руду сбирати и отъ того налогу и правежу обнищаша и въ посоху пондоша сами.... и тутъ сгнили и людей погубили. И взятъ 24 города Ливонскіе у Нѣмцевъ, и своихъ людей посади съ нарядомъ и съ запасы, а запасы возили изъ далнихъ городовъ изъ Замосковнихъ и наполни грады чюжіе Рускими людми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь, Нѣмцы же собравшеся изъ заморья, изъ столнихъ городовъ и Литва изъ Полши пришедши, непомнозѣ всѣ тѣ городки очистиша себѣ и поимаша и людей избиша; а къ нему прислаша Нѣмчина лютого волхва нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе, и выбѣглецъ отъ невѣрныхъ нахожденія, и конечнѣ былъ отвелъ царя отъ вѣры: на Рускихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разореннымъ быти, того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему, понеже Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе; и много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви, послѣди же и самого приведе наконецъ еже бѣжати въ Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будетъ Руское царство разорено и вѣра христіянская. Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича.

«Въ лѣто 7081. Ходилъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, на зимѣ, градъ Нѣмецкій Пайду взялъ и многихъ Нѣмецъ погуби лютою смертію.

«Въ л. 7085... Тогоже лѣта Иванъ Васильевичъ взялъ Нѣмецкихъ городовъ 24.

«Въ л. 7086. Пришли государевы воеводы подь Кесь... и пришли на нихъ Нѣмцы и Литовскіе люди, государевыхъ воеводъ и нарядъ поимали и людей побили.

»Въ л. 7087. Литовскій король Полоцко взялъ [1]); и Соколъ взя-

---

[1]) О взятіи Полоцка Иваномъ Грознымъ въ 7071 г. лѣтописецъ разсказываетъ: «а которыя были въ городѣ жили люди жидове и князь великій велѣлъ ихъ и съ семьями въ воду въ рѣчную вметати, и утопили ихъ.... и бысть моръ и много людей мерло».

ли людей побили 40000 ратныхъ и городъ сожгли. И Царь Иванъ Васильевичъ стоялъ все лѣто во Псковѣ.

«Въ л. 7088. Того же лѣта Луки Великіе взялъ король. Того же лѣта Свѣйскіе Нѣмцы пришедъ взяли городъ Корѣлу и Ругодивъ и Иваньгородъ и Сыренескъ на Наровѣ, Орѣшекъ, Копорью и Яму.

«Въ л. 7089, по лѣту, пришедъ Колыванскіе Нѣмцы, поимали свои городы 10 и воеводъ и людей всѣхъ побили; и сбыстъся Писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочетъ, помалѣ и своего останетъ; Царь Иванъ не на велико время чюжую землю веземъ, а помалѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби.

«Того же лѣта пріиде король Литовской Стефанъ Обатуръ... подъ пресловущій градъ Псковъ съ нарядомъ и стоялъ 30 недѣлъ и стѣну розбивъ много приступалъ: и милостію Божіею... сохраненъ бысть. А Литовскіе люди воевали до Новагорода... А въ Новѣгородѣ рати было 40000 со князь Юремъ Голицынымъ... А у великого князя царя Ивана было въ собраніи тогда 300,000 въ Старицы, а на выручку бояръ своихъ не посылалъ подо Псковъ, ни самъ не пошолъ, но страхомъ одержимъ бѣ; глаголютъ нѣцыи, яко сына своего царевича Ивана того ради остнемъ поколол, что ему учалъ говорити о выручеініи града Пскова. И не бысть ему слуха о Псковѣ, и велми скорбя о немъ, и оманивша его Литва... повѣдаша царю, яко взятъ Псковъ бысть, и царь Иванъ послалъ о мирѣ къ королю ко Пскову и вдастъ ему на Псковъ 15 городовъ Ливонскихъ Юрьевскихъ; въ то же время пріиде сквозѣ Литвы проходецъ... повѣда, что сохраненъ Псковъ отъ поганыхъ, и на томъ миру преста ратяся съ государемъ и городы ему отдаша Ливонскіе».

Спрашивается въ чемъ же въ этомъ разсказѣ проявляется «мѣстная ограниченность» лѣтописца?

Развѣ въ томъ, что онъ называетъ то, что считаетъ нарушеніемъ даннаго слова, именно тѣмъ, чѣмъ оно есть? или въ томъ, что осуждаетъ Грознаго за лютую кровожадность? или въ томъ, что не иначе можетъ объяснить себѣ дикіе поступки его, какъ слѣдствіемъ «волхвованія злаго еретика подосланнаго Нѣмцами?» Лѣтописецъ съ образованіемъ нашего времени дѣйствія Грознаго объяснилъ бы умственнымъ разстройствомъ, въ родѣ того, какому очевидно подвержены были Неронъ, Домиціанъ и др.

Мнѣ кажется, что русская литература можетъ гордиться этимъ лѣтописцемъ, въ разсказѣ котораго проявляется столь рѣдкая въ

то время гуманность, который жалѣетъ даже о напрасной гибели непріятеля, который не одобряетъ утопленія жидовскаго населенія цѣлаго города, который, въ своемъ общемъ сужденіи о ливонской войнѣ, высказываетъ въ немногихъ намекахъ столько здраваго политическаго смысла. Лѣтописецъ взвѣшиваетъ фактическія обстоятельства и осуждаетъ Грознаго за то, что тотъ хотѣлъ идти противъ обстоятельствъ.

Грозный въ Ливонской войнѣ оказался тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно былъ: человѣкомъ съ яснымъ взглядомъ, хорошо понимавшимъ, что нужно было для Московскаго государства, но не успѣвшимъ провести предположеннаго, человѣкомъ безъ выдержки, у котораго не хватило стойкости неустанно и неусыпно идти къ своей цѣли, медленно и непрерывно приводить въ исполненіе разъ признанное за необходимое. Какъ въ своей внутренней политикѣ, Грозный совершенно правильно понялъ недостатки существующаго порядка: недостатокъ правильнаго и самостоятельнаго суда, отсутствіе права и господство произвола — и взялся совершенно правильно за реформу, но не въ состояніи былъ провести эту реформу; точно также и во внѣшней политикѣ: онъ совершенно правильно понялъ, что для того, чтобы Московскому государству выйти изъ своего тогдашняго положенія, необходимо пріобрѣтеніе балтійскаго края — но и здѣсь онъ доказалъ несостоятельность своихъ начинаній на самомъ дѣлѣ, свою неспособность къ благотворной, истинно государственной дѣятельности. Онъ началъ войну, не взвѣсивъ свои средства, не сообразивъ въ состояніи ли онъ будетъ достигнуть своей цѣли, въ состояніи ли онъ будетъ завоевать этотъ край противъ воли Швеціи и Польши; а главное не приготовивъ средства отстоять свое завоеваніе противъ той и другой державы. Если же Московское царство еще не въ силахъ было вести войну противъ Польши и Швеціи вмѣстѣ и выйдти непобѣжденнымъ, то непосредственно въ русскомъ интересѣ было, не начинать этой войны, а ограничиться тѣмъ, чтобы не допускать ни Швецію ни Польшу утвердиться въ семъ краѣ, если нужно, явиться покровителемъ края противъ Швеціи и Польши, и между тѣмъ стараться внутренно усилить Русь, развивая ея средства

Вотъ почему и лучшіе люди временъ Ивана Грознаго, напр. Сильвестръ и Адашевъ, были противъ Ливонской войны. Они понимали лучше Грознаго, что Россія, хотя въ состояніи низвергнуть орденъ, но не въ состояніи удержать этотъ край противъ воли Швеціи и Польши, что при томъ положеніи, въ какомъ находилось

царство, война поведетъ только къ совершенно напрасной и безполезной тратѣ русскихъ силъ, къ разрушенію уже безъ того безсильнаго и слабаго ордена, а вслѣдствіе этого къ усиленію и возвышенію главныхъ враговъ Россіи Польши и Швеціи. Они понимали, что Польша и Швеція только ждутъ случая, чтобы выступить наслѣдниками ордена, что только взаимныя недовѣріе и ревность удерживаютъ ихъ отъ того, что нападеніе Россіи на орденъ прямо подастъ имъ знакъ, завладѣть Ливоніею, когда сила ордена будетъ окончательно ослаблена, и потрачены русскія силы.

Г. Никитскій восхищается низверженіемъ ордена, видитъ въ противоположномъ сужденіи лѣтописца «мѣстную ограниченность», и упрекаетъ его въ томъ, что онъ будто забываетъ цѣль войны и закрываетъ глаза на послѣдствія ея. На дѣлѣ же оказалось, что война Грознаго была война двадцатилѣтняя, раззорившая край, изнурившая Россію, и безрезультатная, такъ что при Петрѣ Россіи пришлось вновь потратить значительныя силы, какъ бы таковыя не были потрачены при Иванѣ Грозномъ. Замѣчаніе лѣтописца, что «Царь Иванъ... наполни грады чюжіе Рускими людми, а свои пусты сотвори...... и сбысться Писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочетъ, помалѣ и своего останетъ; Царь Иванъ не на велико время чюжую землю земъ, а помалѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби» — заслуживаетъ вниманіе и вызываетъ удивленіе къ его политическому уму и доказываетъ, что это былъ человѣкъ не «грубаго разума и смысла».

Приводя къ одному знаменателю все замѣченное мною, относительно труда г. Никитскаго, я еще разъ повторяю, что почти всѣ указанные недостатки относятся, или къ введенію и приготовительнымъ разсужденіямъ, которыя собственно не имѣютъ никакого прямаго отношенія къ спеціальному труду автора, или же къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ и общимъ сужденіямъ его, которыя какъ бы только внѣшнимъ образомъ связаны съ его разысканіями, и существенно не повліяли на внутреннее содержаніе изслѣдованія. Собственно историческія разысканія его изъ положительной исторіи обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ автора къ такого рода изслѣдованіямъ, и русская историческая литература можетъ

много ожидать отъ г. Никитскаго, если онъ пойдетъ дальше именно по этому пути.

На основаніи всего изложеннаго я полагаю, что сочиненіе г. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» вполнѣ достойно меньшой Графа Уварова награды.

(Извлечено изъ XVII присужденія наградъ графа Уварова).

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1875 года.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

2007111581